ПИОНЕР

П28
34

УЧЕНИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

№ 13

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“ 1933

РЗФ

К БОРЬБЕ ЗА РАБОЧЕЕ ДЕЛО — БУДЬ ГОТОВ!

ПИОНЕР № 13

Двухнедельный журнал пионеров и школьников

Июль 1933

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ. Адр. ред. ул. Горького, 8 тел. 1-15-22

БУДЬТЕ ТАКИМИ, КАК КЛАРА

Умерла Клара Цеткин. Склонились перед урной с ее прахом революционные знамена пролетариев Москвы, склонились знамена революционных рабочих всего мира. Имя Клары Цеткин наряду с именами Ленина, Либкнехта и Розы Люксембург никогда не забудет рабочий класс.

Рабочий класс не забудет Клары, потому что всю свою великую жизнь она без остатка отдала делу его освобождения. Когда она умерла, ей было 76 лет. 55 лет из этих 76 она отдала революции. Был жив еще Карл Маркс, величайший вождь рабочего класса, когда совсем молодой Клара начала работать для революции.

Клару хорошо знали и любили рабочие Германии и особенно работницы. Они называли ее «наша Клара». Она была другом и любимым вождем сотен тысяч работниц. Ее называли Красная Клара задолго до того, как победивший рабочий класс Советского союза наградил ее орденом Красного знамени за величайшие революционные заслуги.

Когда началась мировая война 1914 г., вожди II интернационала окончательно изменили рабочему классу. Они обманывали рабочих и звали их умирать, защищая капиталистов. Клара Цеткин вместе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург смело выступила против войны, держа крепкую революционную связь с Лениным и русскими большевиками.

Тов. Ворошилов и Буденный вручают Красной Кларе орден Красного знамени

Последние годы своей жизни она была очень больна, плохо видела, с трудом ходила. Но она не переставала работать, заставляла читать для себя все нужные ей материалы и диктовала горячие статьи против врагов рабочего класса, против предателей — социал-демократов.

Тридцатого августа 1932 г. должен был открыться германский парламент (Рейхстаг). По обычаю его должен был открыть старейший по годам член Рейхстага. Старейшей была Клара Цеткин.

Целую неделю буржуазные газеты грозили ей арестом, избиением и даже убийством.

Но Клара Цеткин, 75-летняя Красная Клара не испугалась фашистских угроз и поехала в Германию. Вот на трибуну Рейхстага при мертвой тишине входит седая Клара. Ее ведут под руки две женщины, она не может ходить. Зал полон врагов, и только коммунистическая фракция встречает ее выступления громовым троекратным:

— Рот фронт! Рот фронт! Рот фронт!

Зал слушает в молчании ее боевую революционную речь. Коричневые бандиты из фашистского лагеря не осмеливаются прервать ее, и эхо ее голоса разносится по всей Германии. Иногда ей нехватает дыхания, ей становится дурно, но она, сделав короткую паузу, снова продолжает разоблачать фашистских убийц и социал-фашистских предателей. Ее слабый голос звучит боевым сигналом для миллионов рабочих Германии. Красная Клара выполнила свой революционный долг.

И в самые последние дни перед смертью она не перестает работать для революции. Смерть оставила недописанной статью, которую она диктовала в последний день своей славной жизни.

Редкая фотография: Клара Цеткин (третья слева) рядом с Фридрихом Энгельсом

ЛИСТОК
СЧАСТЬЯ

УЧЕНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград. 102 Совпрод. школы

Роман СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВА
Рисунки Бориса Берендгофа

ХЕППИ ГО-ЛЮККИ—ОН ЖЕ МАЙКЕЛЬ БЬЕРК

Хеппи не шел, а важно шествовал (так ему казалось) за Дугласом Штиммером. Правда, Дудди Штиммер очень торопился, частенько Хеппи приходилось менять важный шаг на бег вприпрыжку, чтобы итти рядом.

Больше всего Хеппи боялся, что его примут за цветного слугу — он, слуга, несет багаж своего господина, белого, и конечно в этом случае он должен итти не рядом с джентльменом, а позади его, на почтительном расстоянии.

Однако чемоданчик? Почему все-таки Хеппи несет чемоданчик Дудди? Надеюсь, Дудди не слабее, чем Хеппи? Еще бы... Хеппи хорошо знает, какова мускулатура у Дугласа Штиммера. Ха-ха! Как он тогда расправлялся с теми пятью паршивцами! Дудди конечно сильнее, чем Хеппи, он не раз предлагал, что сам будет нести багаж. Да ни за что! У Хеппи есть на это, хе-хе, серьезные основания.

Чемоданчик Дудди вовсе не так уж легок. Хорошо бы снять пояс, сделать петлю и закинуть чемоданчик за плечо на загорбок...

— Что ты, Хеппи! Да ты с ума сошел! Разве так носят чемоданчики джентльмены?

— Что ты там бормочешь, чертенок? Не отставай! Нам недалеко осталось!..

— Отстать! Хе! Когда же Хеппи отставал?

И Хеппи, сменив руку с чемоданом, бежит за Дудди вприпрыжку.

— Вот здесь!

Дуглас Штиммер остановился перед старым, черным от копоти зданием. Оно построено еще до знаменитого землетрясения и пожара. Тогда железобетонные небоскребы Фриско все погибли, а этот невысокий кирпичный дом уцелел и почти не пострадал.

Над домом по карнизу вывеска из букв высотою чуть ли не с само здание:

«Об'единенная Строительная Компания»

А на двери скромная медная доска:

«Майкель Фафнир,
строитель».

Много прекрасных и высоких зданий, украшенных мрамором, золоченой бронзой и литым стеклом, и других сооружений построил в свое время Майкель Фафнир. А теперь Об'единенная строительная компания должна строить величайшую в мире плотину на реке Колорадо—плотину Гувера. Однако Майкель Фафнир ютится в том же приземистом невзрачном доме на 57-й улице, где сорок лет тому назад помещалась мастерская мраморных и штукатурных работ основателя фирмы. Теперь здесь впрочем только главное техническое бюро и кабинет старого шефа компании.

Далеко отсюда, над самой гаванью на Маркет-стрит в одном из небоскребов Фриско есть другая контора «Бильдинг-компани»... Там щелкают арифмометры, стрекочут стенотипистки [1] и орудует бритый молодой Фафнир.

— Мы пришли как раз во-время! — сказал Дуглас Штиммер, взглянув на часы.

— Еще бы! Я все время шел, Дудди, с тобою в ногу! — солидно ответил Хеппи, отдуваясь.

Дудди улыбнулся, взглянув в черное, покрытое лаком пота лицо своего друга.

— Ты можешь пока поставить чемоданчик и сесть на него!

Того же очень хотел и сам Хеппи. Он очень устал. Но где же это видано, чтобы джентльмены ставили на асфальт чемоданы и на них садились?!

Хеппи пренебрежительно улыбнулся.

— Может быть ты хочешь сам присесть, Дудди? Ты очень тяжело дышишь.

Дудди смеется.

Часы бьют. С последним ударом колокола из под'езда бюро выбегают клерки [2], техники, чертежники, инженеры, стенотипистки... Одни из них бегут вдоль по тротуарам, другие садятся в открытые и закрытые фордики, стоящие вряд задками к панели. На несколько минут улица наполняется говором, фырканьем моторов, разноцветными звуками гудков, рожков, сирен и свистков. Машины умчались. Люди схлынули.

У под'езда осталось всего две машины — дешевый почти новый форд и тяжелый блестящий седан [3]

---

[1] Стенотипистка—одновременно стенографистка и машинистка.
[2] Клерки - конторские служащие.
[3] Седан— дорогой автомобиль.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

— Так его нет?!—воскликнул с тревогой Хеппи, проводив глазами последнего вышедшего из конторы.

— Нет, он здесь! Видишь, это его машина. Номер 33.765. Эмиль так и писал мне: «Если увидишь мою машину, то я здесь». Его что-нибудь задержало...

Озабоченно нахмуренный и задумчивый, из под'езда вышел молодой человек и остановился у форда, пробуя шину рукой...

— Эмиль!

— А! Это ты, Дуглас! Ты прибыл во-время и кстати. Я уезжаю. Ты можешь занять мое место...

— Уезжаешь?—опечаленный воскликнул Дуглас.— А я думал, что мы будем работать вместе! Куда же едешь ты?

— Я? Далеко, за океан... в Россию.

— Как ты решился, Эмиль!

— Долго говорить. Все расскажу потом. Идем, старик еще здесь...

— Я так и думал! Пойдемте. Не теряйте времени,— вмешался Хеппи,—наше время, наше счастье...

— Это что за образина, Дудди, с тобой?

— Хе! Мистер Гринер, если не ошибаюсь? Вы видите перед собой Хеппи Го-Люкки.

— Очень рад...

— Да, Эмиль, это Хеппи... тот мальчишка. Помнишь? Мой приемный сынишка. Я спас его от побоев в знатной драке...

— Хороши побои, сэр! Вы очень скромны, мистер Штиммер! Видите ли, мистер Гринер, несколько белых юных джентльменов вздумали поиграть. Это была только шутка, сэр, потому что сам Хеппи им попался около реки случайно. Он удил. «Ага! Он удит в нашей реке».

Это верно, Хеппи удил, Хеппи очень любит удить. Но еще не выудил ничего.

«В таком случае», сказали джентльмены... и привязали Хеппи к дереву. К ногам его навалили сушняку. Это был бы великолепный костер, смею вас уверить, и негр, пойманный на месте преступления, понес бы заслуженную кару. Но тут вдруг появился, заметьте, тоже совершенно белый и тоже юный джентльмен—Дуглас Штиммер. Он не стал спорить, а прямо начал драку. Ах, и бил же он их! Они убежали с позором. Тогда Дудди своим ножом разрезал веревку и освободил Хеппи. Дудди спас мне жизнь. И если бы он вздумал, как вы, уехать в эту... Россию, конечно и я с ним и отплатил бы ему тем же. Это очень опасная страна, мистер Гринер, эта Россия. Я так полагаю!

— Так же думает и наш шеф [1]. Однако не теряй времени. Хеппи прав: время—наше счастье! Идем и поговорим с ним.

— Послушай, Эмиль! Я на твое место! Ты шутишь!

— Ничуть! Брось отговорки! Моя рекомендация чего-нибудь да стоит!

— Э! «Била́ не бы́ла» [2]. Идем!

— Ага! Ты тоже начал учиться по-русски!

— Еще бы! Ну идем!..

— Гм! Хеппи! Тебе придется остаться здесь.

— Почему же, мистер Гринер?

— Видишь ли... ну, ты сам поймешь, почему.

Хеппи поник головой, вспомнив о цвете своей кожи.

Гринер и Штиммер вошли в зеркальную, покрытую копотью дверь...

Хеппи остался их ждать у двери. Он уселся на чемоданчик и, притоптывая каблуками, засвистал.

Улица была пустынна. На выбоинах грязного асфальта стояли радужные лужицы от пролитого масла, там и тут валялись скомканные и пропитанные нефтью обрывки газет, масляные тряпки и концы замасленной пряжи, накиданные автомобилистами.

Скучая, Хеппи запел, притоптывая каблуками:

У нас в Нью-Мадриде
Бегают по городу
Подкованные кони!
Здесь только машины
На мягких колесах.

---

[1] Шеф—начальник, в данном случае хозяин.

[2] Была не была.

Полицейский закуривает, Хеппи тоже...

Чем это лучше?
Кони оставляют
На улицах навоз...
Здесь льют нефть и масло,
Бросают тряпки...
Чем это лучше?
У нас в Нью-Мадриде
С крыш слетают воробушки
И клюют навоз.
Это лучше?
Воробушки-аэропланчики
Пусть здесь слетают,
Пьют из луж бензин и убирают мусор!
Это лучше!

Вдруг Хеппи вдрогнул: по панели шел размеренным шагом Slop[1] и еще за сто шагов кивнул пальцем:

— Сидеть нельзя!..

Хеппи вскочил, схватил чемоданчик и, деловито помахивая им, пошел вдоль панели.

Вдруг Хеппи пришло в голову, а пожалуй «слопу» взбредет на ум, что Хеппи где-нибудь «слизнул» чемодан? Правда, Хеппи мог бы тотчас доказать, что это не так. Он очень подробно и точно знал все содержимое чемоданчика Дудди. Во всяком случае там есть одна вещь. Она ясно и неоспоримо могла бы доказать, что чемоданчик не совсем чужой для Хеппи. Беда однако в том, что полицейские считают всех негров ворами.

— Хе-хе! Била́ не бу́ла! — бормочет Хеппи, замирая от сладкого страха. Он замедляет шаг, вынимает из кармана штанов пачку сигар ценой в два цента, достает одну, останавливается, откусывает деловито кончик. Полицейский проходит мимо, усмехается и, протянув два пальца, на ходу достает из пачки Хеппи очень ловко вторую сигару. Он тоже откусывает кончик, останавливается и ждет. Хеппи чиркает спичкой. Полицейский закуривает. Хеппи тоже. И полицейский, кивнув пальцем около козырька, проходит дальше своей дорогой ровным, скучным шагом.

— Хе! Если бы Хеппи был «слопом», он никогда не курил бы таких плохих сигар.

Хеппи, пыхая едким сигарным дымом, спокойно поворачивает обратно к под'езду «Бильдинг-компани».

ДУГЛАС ШТИММЕР ПОЛУЧАЕТ РАБОТУ

У старого Фафнира тысячи причуд, одна из важных,— чтобы к нему мог входить любой из его служащих всегда свободно, чем бы шеф не был занят. На двери его рабочей кабинки висит большой плакат:

«Я знаю, что очень нужен тебе!».

Прочитав эту надпись в первый раз, Дуглас Штиммер задал себе вопрос:

— Кто же и кому нужен? Он мне или я ему? В эту минуту конечно он мне очень нужен, но надеюсь, уверен, что и я ему тоже!

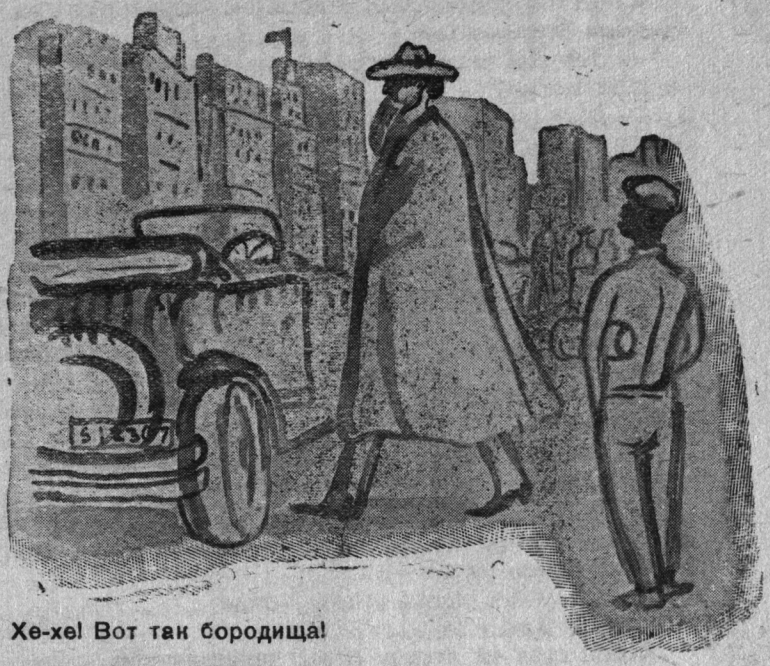
Сняв шляпу, Эмиль открыл двери в кабину старого шефа «Бильдинг-компани» и вошел. Дуглас тоже обнажил голову и переступил хозяйский порог.

Старик поднял голову. Он был в круглых очках «виндзор», обведенных узенькой рамкой из никеля.

— Итак, вы возвратились, Гринер, чтобы сказать мне...—Фафнир ставит ногтем на странице раскрытой книги черту и, спокойно разбирая пряди длинной сивой бороды, ждет ответа...

— Я вернулся, дорогой хозяин, встретив моего друга. Вот он перед вами. Я говорил вам уже о нем.

[1] Slop (слоп)—презрительная кличка полицейского.



Хе-хе! Вот так бородища!

Это Дуглас Штиммер. Я отвечаю за него, как за самого себя,— говорит горячо Гринер.

— Значит ли это, что он может занять место, оставленное вами?..

— Надеюсь... Думаю, что так.

— Хорошо. Вы сдадите ему завтра дела и инструменты, порученные вам, из рук в руки. Гомер Хэмлин будет здесь на-днях, это ваш прямой начальник, Штиммер.

Простота и скорость, с какой все решилось, окрылили Штиммера, и он вспомнил про Хеппи.

— Благодарю вас, мистер Фафнир, и позволю себе начать работу у вас с просьбы. Дело идет не обо мне, а о моем маленьком товарище. Он моложе меня.

— Моложе вас! — Фафнир изумленно шевельнул густыми бровями.

— Да, ему минуло уж двенадцать лет.

— Двенадцать лет! — глаза Фафнира заискрились смехом.

— Да. Он уже работал мальчиком при лифте. Это ловкий парень... Он — цветной...

Фафнир ответил просто:

— Вы найдете работу для мальчика в другом месте. Здесь нет ни одного цветного...

Штиммер и Гринер откланялись.

— Погодите! — остановил Фафнир молодых людей. Не глядя, он сунул руку в ящик стола и, достав оттуда печатный бланк, сделал на нем отметку красным крестом, перевернул на полоборота карандаш и в другом месте сделал пометку синим карандашом. Протянул листок издали Штиммеру. Штиммер еще раз поклонился и вслед за Гринером покинул кабинку старого шефа «Бильдинг-компани».

— Ну вот,—сказал Гринер,—ты получил л и с т о к с ч а с т ь я.

Штиммер пробежал глазами полученный листок. На листке вверху пятью кружками, образуя правильный шестиугольник, были отмечены должности старых инженеров-строителей «Бильдинг-компани». Кружки соединялись лучами шестиконечной звезды. От звезды вниз шли зигзагами лучи к другим кружкам пониже. Их было много. «Листок счастья» показывал каждому вступающему на работу в «Об'единенную строительную компанию» место, какое он занимает сейчас, и путь к продвижению на высшие должности. Отмеченный кра-

сным крестом кружок был не в самом нижнем ряду, но и не был очень высоко.

— Это мое, а теперь твое место, Дудди, на лестнице продвижения.

— Да, я понимаю. Ага! А это место, которое я просил для Хеппи! Ну конечно старик прав.

Синим крестом был отмечен кружок «мальчики при лифтах». От этого кружка шел вверх короткий луч к другому кружку с надписью «лифтеры», отсюда, ни вверх, ни в стороны лучей не было. Положение лифтеров на лестнице счастья было совершенно безнадежным

Штиммер и Гринер вышли на улицу. Хеппи их ждал. Взглянув на веселые их лица, он подкинул вверх кепи, поймал его прямо на голову и весело свистнул..

— Дело сделано!

— Наполовину, Хеппи. Тебе придется работать в другом месте. Видишь ли, тут запрещено принимать цветных. Так сказал хозяин.

— Хе-хе! Вот как? И это вам сказал сам хозяин? А вы что? Что ты, Дудди? Ты по крайней мере дал ему в нос хорошего раза?

— Нет, я не сделал этого, Хеппи!

— Ага! Так?!

Хеппи стал на колени перед чемоданчиком, отомкнул доверенным ему же ключиком и открыл чемоданчик. На самом верху лежал синий сверток. Хеппи взял его подмышку, захлопнул чемоданчик и сунул его Штиммеру.

— Постой, куда же ты, Хеппи! Дело не так еще плохо.

Глаза Хеппи загорелись гневом. Он и не думал уходить и заговорил, как будто плача, нараспев:

— Бедная бабушка Бекки! Что бы сказала она? Когда строчила швы, она мне говорила: «Я купила тебе самую лучшую нанку! Ах, я хотела бы посмотреть, как ты будешь стоять в этом комбине у машины и крутить разные ручки и колесца и выделывать разные точеные штучки. Конечно, милый Хеппи, тебе там выдаст комбине хозяин. Ну а я хочу, чтобы ты встал к станку в первый раз в комбине, сшитом моими руками». Видали ли вы на ком такой великолепный рабочий костюм?!

Хеппи встряхнул сверток и, приложив к груди синий комбине с двумя помочами, подарок бабушки, воскликнул:

— Ах, бабушка, если бы ты знала, ты плюнула бы в лицо...

Кому плюнула бы в лицо бабушка Хеппи, осталось неизвестным. Хеппи вдруг смолк, вытаращил глаза и воскликнул:

— Хе-хе! Вот так бородища!

Старый Фафнир вышел из двери в черном плаще и в широкополой мягкой шляпе. Он открыл дверцу, уселся за руль седана...

Хеппи воскликнул, снимая фуражку:

— Сэр! Слушайте! Дорогой сэр! !Вашу бороду может намотать на переднее колесо. Вам лучше ее спрятать...

Фафнир еще не тронул с места. Не оборачиваясь, он поманил пальцем. Все трое, Гринер, Штиммер. Хеппи, кинулись к нему. Старик указал Хеппи место рядом с собой.

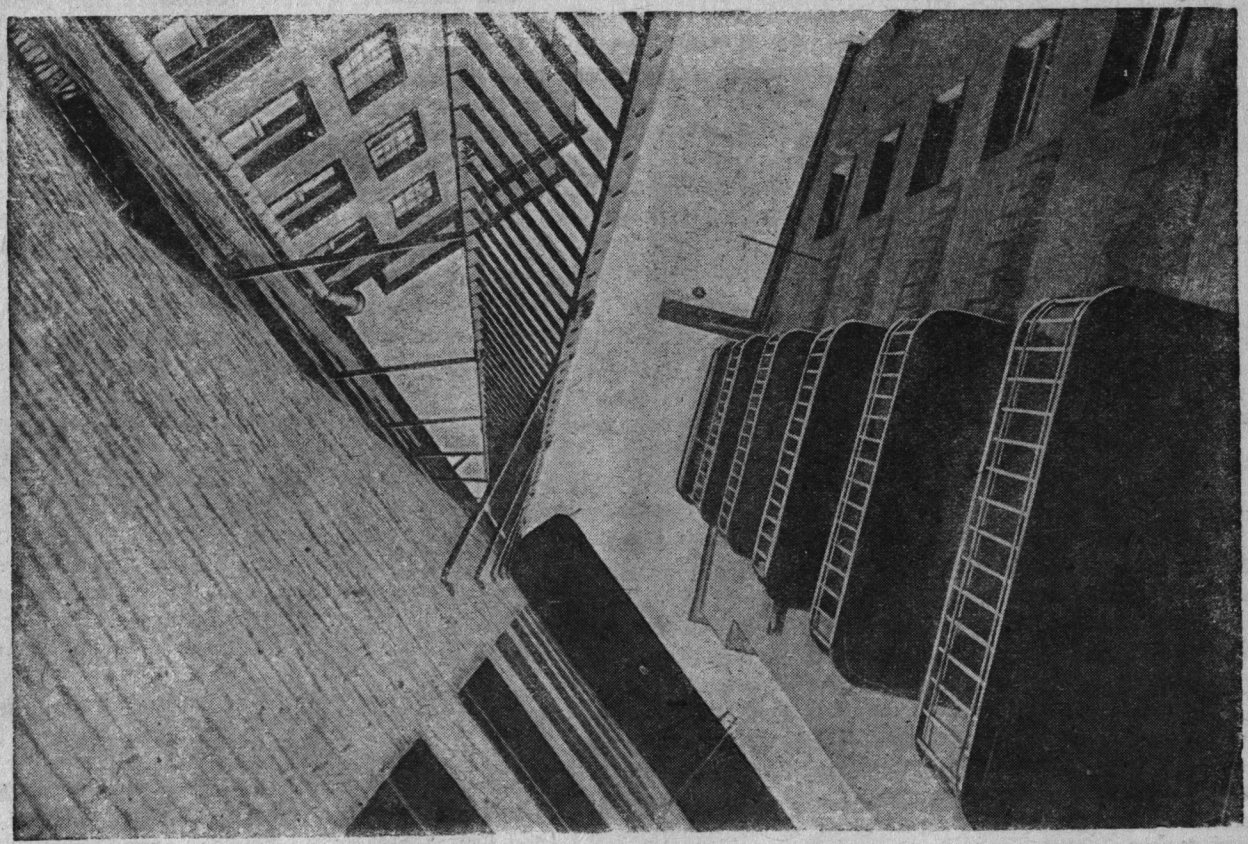
— На место слуги?—воскликнул Хеппи.—Да ни за какие коврижки! Если, дорогой сэр, Хеппи нужен вам, то!..

И Хеппи, важно поклонясь, открыл дверцу и впрыгнул внутрь седана.

— Можно ехать. На всех скоростях... А куда? Вы сами знаете, сэр.

(Продолжение следует)

ФОТО-ВОПРОС



Фотограф Родченко прислал в редакцию фотографию одного из самых высоких домов в Москве—№ 21 на Мясницкой улице. Прислал, а сам уехал, не сказав, с какой стороны нужно на нее смотреть. Вертели мы ее вертели и наудачу поместили так, как здесь. Просим читателей ответить, правильно ли мы сделали и с какой стороны нужно на эту фотографию смотреть и как снимал этот дом Родченко?

СЛАВНЫЙ ПУТЬ БОЛЬШЕВИКА

Партия чистит свои ряды

Рабочий класс Советского союза с каждым годом одерживает новые блестящие победы. Растут новые фабрики, крепнут колхозы. Твердым шагом мы идем к социализму. Рабочие одерживают победы, потому что их ведет коммунистическая партия—передовой отряд рабочего класса.

Теперь партия чистит свои ряды. Это не первая чистка. И каждый раз партия, освободившись от шкурников, от людей, обманом проникших в нее, нарушающих ее железную дисциплину, двурушников, карьеристов, перерожденцев—классово чуждых людей, становилась от этого не слабей, а сильней.

Дело чистки партии доверено лучшим большевикам. Своей жизнью они показали, как нужно бороться за дело рабочего класса. Один из таких большевиков—Ольга Александровна Миткевич, член комиссии по чистке в Дзержинском районе Москвы, секретарь парткома завода им. Десятилетия Октября.

Вот что она рассказывала пионерам своего завода и базы «Правды». Три часа, не спуская глаз с рассказчика, слушали ребята увлекательную повесть о борьбе за дело рабочего класса в боевых рядах большевистской партии.

Ольга Александровна Миткевич в 1905 г.

КАК МЕНЯ ПОПРОСИЛИ ИЗ ГИМНАЗИИ

Вы хотите знать, почему меня выделили в комиссию по чистке? Придется мне рассказать свою жизнь.

Я вступила в партию в 1905 г., вас тогда еще на свете не было, а мне было 16 лет. Я училась тогда в женской гимназии. Еще когда мне было 14 лет, я стала интересоваться, как надо сделать, чтобы рабочим лучше жилось. Нас в гимназии была небольшая группа, человек семь таких. В том городе, где я училась, в Серпухове, была группа подпольщиков-большевиков, которые вели работу среди рабочих. Эти же товарищи раз'ясняли и нашей группе, что надо делать для того, чтобы свергнуть царское правительство.

В октябрьскую забастовку 1905 г. мы семеро собрались, организовали комитет и написали резолюцию против царского правительства. Мы выставили свои требования гимназическому начальству.

После октябрьской забастовки царское правительство издало манифест и дало как будто свободу, а на другой день взяло в руки плетку и все рабочие собрания начало разгонять.

В седьмом классе на уроке я выступила и говорю, что сейчас идет безобразие, обещали народу свободу, а по существу рабочих нагайкой стегают. Как только я выступила, поднялся шум невероятный, а с учителем сделалась истерика, он закричал:

— У нас революционеры-большевики об'явились, девчонка, которая ничего не понимает, и вдруг тоже лезет.

Учитель вызвал директора, явилась начальница, вызвали попа, учителя закона божьего, для того, чтобы меня обратить в веру, и при всем классе начали судить: что такое за Миткевич, может ли оставаться в гимназии? И тут же решили: «Подавай немедленно заявление, что ты уходишь из гимназии, иначе мы тебя с волчьим билетом исключим». А с волчьим билетом можно было пропасть в те годы,— никуда учиться не принимали.

В это же время на уроке истории в 8-м классе выступили четверо девчат и тоже начали защищать ту резолюцию, которую мы написали в период забастовки. Их в этот же день исключили, как и меня, и нас под конвоем выставили из гимназии, не позволили ни с кем разговаривать.

ИСТОРИЯ С ПОРОХОМ

Мы немедленно связались с организацией и пошли работать в рабочие кружки. В это время я научилась уже понимать, как Ленин предлагал драться за революцию, какими путями нужно вести за собой рабочий класс.

Я работала на текстильной фабрике в Серпухове, теперь она называется «Красный текстильщик».

Собираться надо было обязательно потихонечку, поэтому мы с женщинами-работницами собирались где-нибудь в лесу. Находили укромный уголок и ставили дозорных. Кроме занятий в кружках мы устраивали массовки, на которые собиралось человек 100 — 150.

Около Серпухова есть хороший сосновый бор. Мы там и собирались. Приезжал кто-нибудь из наших товарищей-большевиков, говорил о наших задачах, о борьбе за 8-часовой рабочий день, о вооруженном восстании.

Помню массовку, которую мы провели в очень трудных условиях. Было это поздней осенью, вернее в начале зимы. В это время уже царское правительство было очень свирепо. Мы собрались. В лесу грязь, слякоть, холод. Окружили этот лес казаки. После массовки казаки могли нас захватить. Но мы сделали так: массовка кончилась, и мы начали расходиться потихоньку. А у некоторых товарищей было оружие в руках. Нужно сказать, что девчата мы были очень молодые, и у нас меньше всего могли искать оружие. Мы забрали оружие у мужчин и вышли поодиночке через лес.

У меня было пять фунтов пороха. Он нам не был нужен, но я была еще очень наивна и думала, что без него не обойдешься. Когда стали выходить из леса, я нарвалась на казачий раз'езд. Меня за революционерку не приняли, приняли за девчонку, стегнули на всякий случай два раза нагайкой. След у меня долго не проходил. Я пошла домой и сумела порох спрятать. А несчастье с ним случилось потом; мать моя была против того, чтобы я участвовала в революции. Она узнала, что я прячу порох, взяла его и в начале 1906 г. потопила в речке. Ребята пришли ко мне за порохом, я начала искать, туда-сюда—нет. Я расссорилась с матерью и уехала в Москву.

ИЗ ПОГРЕБА — НАВСТРЕЧУ КАЗАКАМ

Я работала в Мытищах около Москвы. Но была я еще очень молодой—мне было 17 лет. Пришла вести кружок в первый раз. Посмотрела—кругом взрослые рабочие; мне стало стыдно, что я такая молодая, я сбилась и не знала, с чего начать. Первые дни после кружка мне казалось, что я окончательно провалилась, думала: какой же я большевик, какой же я пропагандист?

Зимой в лесу собираться было уже нельзя, и в 1908 г., когда была уже реакция, нам приходилось очень трудно. Мы собирались в погребах. Запремся в погреб и там проводим беседы в абсолютной темноте, друг друга не видим. У нас было правило—не выходить из подвала до вечера, и вот один раз мы просчитались,—вылезли всей массой часа через три. Еще светло было. Видим, казачий раз'езд несется. Ребята страшно растерялись потому, что если бы мы попались, то исхлестали бы нас нагайками, арестовали бы. Часть ребят успела обратно влезть, а часть сделала вид, как будто прогулку устраиваем: разделились по двое и пошли под ручку. Прошли благополучно: казаки проскакали мимо нас, только грязью забрызгали.

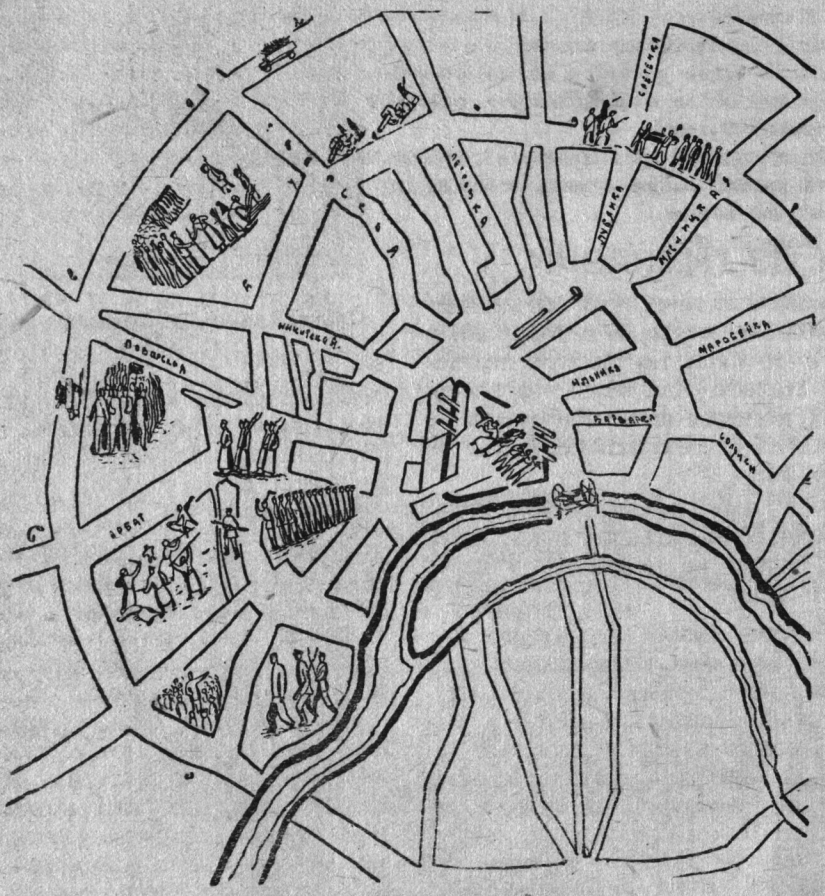
В это время я ни разу не была арестована и думаю, что это происходило оттого, что я походила на девчонку, бегала с косой (тогда носили косы), и никто не мог во мне заподозрить революционерку.

Потом я работала не только как пропагандист—приходилось доставлять нелегальную литературу. Как-то мне нужно было доставить очень много листовок. Эти листовки печатались на очень тонкой бумаге. Я взяла листовки, ими вся обмоталась и пошла. Итти пришлось из Замоскворечья в центр. На конку вскочить нельзя, потому что от резкого движения литература соскочит, значит надо было итти пешком приблизительно 7 или 8 километров. Я шла, мне было только немного тяжело. Но все было благополучно, а когда стала подходить к центру, вдруг чувствую, что у меня ползет. Положение прямо невыносимое! Я зашла во двор, как будто за каким-то другим делом, и подвязала эту литературу. Доставила ее благополучно.

А один парень, который тоже в это время работал, свертки сделал трубочками, хорошо их закупорил, и получилось что-то вроде калейдоскопа. Есть такие игрушки с цветными стеклами. Когда он подходил,—это было на Садовой,—он рассыпал эти свертки. Все подумали, что парень уронил какие-то игрушки. Одна женщина подняла, несет ему и говорит: «Посмотрите не разбилась ли?». Ему удалось подобрать и благополучно уйти.

Но не все так благополучно сходило. Многие и многие из наших товарищей были арестованы, многие получили каторгу.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ



В Алексеевском военном училище у Арбатской площади были юнкера, по Садовой, Н винскому бульвару, в Кремле засели они. А мы по Садовой на грузовике прорывались в другой район

МЫ РАЗОБЛАЧАЕМ ПРЕДАТЕЛЕЙ

Когда началась реакция, некоторые социал-демократы (меньшевики) решили, что лучше было бы отказаться совсем от подпольной работы, потому что за то, что ты работаешь в подполье, арестовывают, на каторгу ссылают, а там—ходи в кандалах. Могут избить, а то и повесить.

Эти меньшевики, назывались тогда еще ликвидаторами, они стали говорить, что не надо никакой подпольной партии, нужна только открытая партия. А открытой могла быть только такая партия, которая будет говорить то, что позволит правительство. Внутри нашей организации пришлось очень крепко драться с ликвидаторами. Много людей, которых мы считали раньше хорошими товарищами, мы потеряли как товарищей и даже перестали с ними встречаться.

Вы спрашиваете, предавали ли они нас? Нет, лично нас не предавали, но по существу они предавали рабочий класс.

Тогда реакция была такая сильная, что рабочее движение очень долго не могло оправиться. Только в 1912 г., после ленского расстрела рабочее движение начало опять нарастать. В 1914 г. рабочее движение пошло вверх. В Ленинграде уже в это время была подготовка к вооруженному восстанию, баррикады строились, но как раз в это время началась мировая война. Когда началась мировая война, первое время царское правительство сумело задурить головы многим, в том числе и некоторым рабочим.

Меньшевики помогали царю обманывать рабочих. Появились оборонцы, которые считали, что за революцию можно взяться только тогда, когда побьем немцев. Когда началась война, правительство стало еще свирепей, как только кто-нибудь заговорит — тюрьма или посылка в маршевые роты прямо на фронт. В Москве партийная организация большевиков была здорово потрепана и разгромлена. Многие из товарищей потеряли в это время связь с организацией. И тогда я пошла работать в госпиталь сестрой милосердия.

СЕСТРА ОЛЬГА, СПАСАЙСЯ!

Для чего я пошла? Большевики знали, что рабочие могут победить только тогда, когда покончат с войной, что империалистическую войну нужно покончить, превратить ее в войну против буржуазии и царского правительства. Вот для того, чтобы солдатам эти вещи рассказать, я и пошла в сестры милосердия, потому что сестры милосердия под подозрением не находились. Ведь в сестры шли те, кто был за войну, за царское правительство. Мне удалось поработать почти что полтора года в разных местах. Но в одном из госпиталей я засыпалась. Дело было так: там был один очень хороший солдат, крестьянин из Воронежской губернии. Он был очень сознательный. Когда я с ним поговорила, он стал вести большую агитацию среди солдат. Бывало, подсчитает, сколько чугуна и металла приходится тратить на орудия и снаряды и сколько плугов и полезных орудий можно было бы из этого сделать для рабочего класса, для крестьян. Мы с ним крепко завернули работу. Он был ранен в голову. Когда он должен был выписываться из госпиталя и уехать домой, у него осколок попал в мозг, и он умер. Перед смертью он начал бредить и все кричал, называя меня по имени: «Сестра Ольга, спрячь листовки, смотри, там дежурная идет, спасайся!». И вот в бреду он рассказал обо всем, чем мы с ним занимались. Мне пришлось из этого госпиталя быстро смотаться

ВОСЕМЬ ДНЕЙ И ВОСЕМЬ НОЧЕЙ В БЕСПРЕРЫВНОМ БОЮ

Во время Октябрьской революции в Москве были очень серьезные бои за власть. Мы создали революционные комитеты в каждом районе. Я была секретарем революционного комитета.

Вечером собралось партийное собрание; мы начали подсчитывать, сколько у нас винтовок. Всего оказалось 30 винтовок на всех рабочих, а их свыше 40 тыс. в районе. Винтовки были у солдат. Пошли к солдатам, достали штук 200 винтовок.

Чтобы доставать оружие, нам приходилось такие вещи устраивать: снарядим автомобиль, посадим на автомобиль десяток красногвардейцев с десятью винтовками. Они прорвутся по Садовой мимо юнкеров в другой район (теперь Бауманский) за снарядами для нашей артиллерии и за патронами.

По Садовой были устроены окопы, с одной стороны наши, с другой — их. И нам приходилось продвигаться шаг за шагом.

Деремся, деремся; много раненых с нашей стороны и с их стороны, а они никак не отступают. В это время на Брянском вокзале высадилась так называемая «Дикая дивизия» — опора царского правительства. Наша первая задача — наших ребят послать туда их агитировать, чтобы они против нас не пошли. Мы агитировали, и они не стали драться.

Самые интересные бои были на Пречистенке. Мы были настолько неопытны, что когда наша артиллерия из 193-го полка начала работать, то мы даже не знали, куда она стреляет: попадает ли она в Кремль по юнкерам или попадает по нашим? И все-таки на Пречистенке мы брали один окоп за другим.

Мы дрались, ребята, до такой степени ожесточенно, что даже когда нам из московской пятерки позвонили, чтобы начать второе перемирие, мы никого не слушали и продолжали драться.

Нам пришлось целых восемь дней и восемь ночей совсем не спать — некогда было, потому что днем и ночью, утром и вечером, все время беспрерывно сражались. На восьмой день я заснула; причем интересно: в окошко был выставлен пулемет на столе. Я прямо на этом столе спала, а ребята рядом работали на пулемете.

Буржуазия устанавливала пулеметы на церквах, на высоких домах. Нам приходилось и вести бой и ходить с обысками по квартирам, забирать оружие у буржуазии. Мне пришлось очень много ходить с обысками и отбирать оружие.

И после октябрьской победы буржуазия в самой Москве оказывала нам большое сопротивление. Она устраивала всякие хитрости. Один раз мы видим, идет похоронная процессия, кого-то хоронят. Мы посмотрели, лица все печальные, но взяло нас сомнение: хоронят уж что-то очень торжественно, а ведь в это время потихоньку хоронили, даже ходить было очень опасно. А тут вдруг торжественно, с попом. Решили — давайте посмотрим покойника. Бросаемся к гробу, смотрим, а там вместо покойника — оружие.

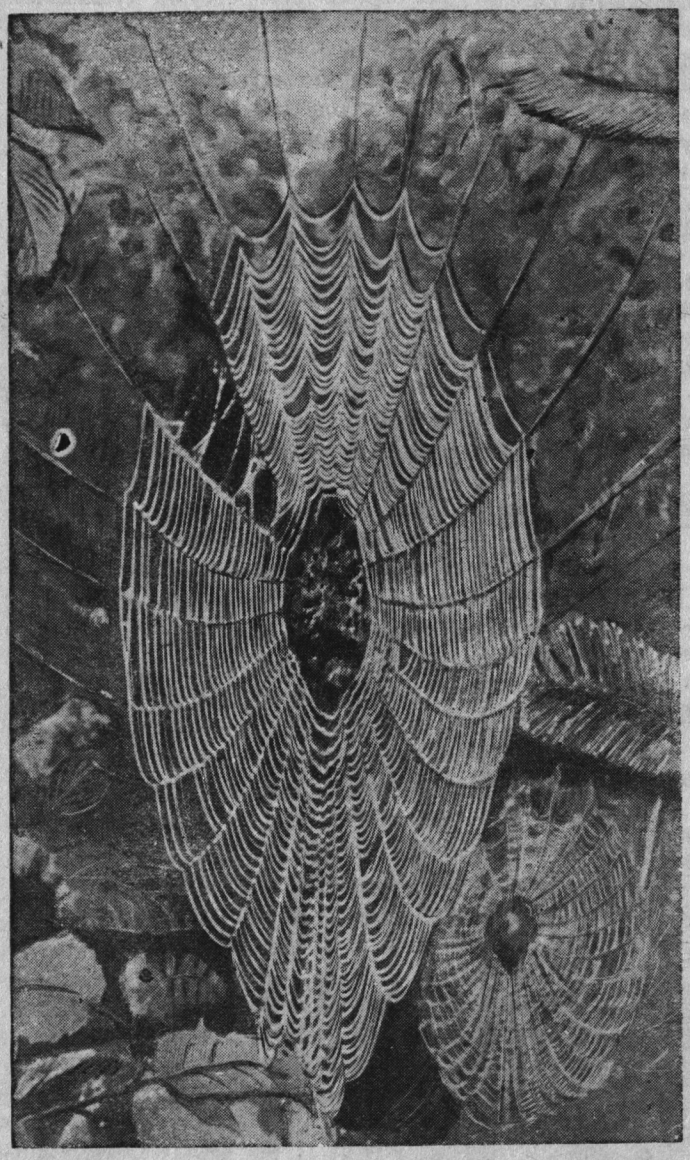
Рассказы т. Миткевич о боях в гражданскую войну читайте в следующем номере.

Ребята слушают т. Миткевич, ее рассказ дословно записывает стенографистка, сидящая тут же за столом

ОХОТА С ФОТОАППАРАТОМ

Михаил Михайлович Пришвин—замечательный писатель. Школьники и пионеры знают его главным образом по маленьким рассказам. В них он говорит о зверях, о птицах, о собаках, он открывает такие вещи, которых без него никак не узнаешь. Потому что Пришвин соединяет наблюдательность опытного охотника с мастерством большого писателя.

Михаилу Михайловичу Пришвину минуло шестьдесят. Он пишет и охотится несколько десятков лет; в самые последние годы он занялся новым видом охоты—охотой с фотокамерой «Лейка». Писатель и охотник стал еще и прекрасным фотографом. Его фотографии показывают нам, что видит глаз умелого наблюдателя природы там, где другой человек не видит ничего интересного.



В августе и сентябре ранняя утренняя роса мельчайшими капельками осаждается на паутине, и тогда изумленному глазу открывается восхитительная работа лесных ткачей. Пауки делают эти сети для своей охоты и уничтожают великое множество наших вредителей. Надо преодолеть в себе отвращение к этому интересному насекомому: оно основано исключительно на суеверии.

Михаил Пришвин

Когда птицы сидят на яйцах и охотиться с ружьем запрещено, я охочусь с фотокамерой. Так вот однажды Нерль, моя немецкая легавая сделала стойку. Я подошел. Слетела тетерка. Нерль осталась на месте, а я ближе подошел и увидел гнездо. После того я позволил Нерли осторожно подходить, и, когда она выдвинула из куста голову, нажал на пуговку спуска моей маленькой лейки точно так же, как делают это при спуске курка.

Охота с камерой добычливей, чем с ружьем там убьешь, с'ешь один и нет ничего, а здесь добыча всем достается.

ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ПАМИР

Стихи М. Рудермана
Рис. Л. Голованова

1

Позади остался Ош!
До чего наш путь хорош!
Разноцветные бока
Вздула горная река.
Облака и тополя
И ячменные поля.
И полям наперерез
Молодой, арчовый лес.
А за ними
Высоки
Голубые
Ледники.

И в рассветный
Тихий час
Поведет начальник
Нас.
Нам тропу
На этот лед
Караван-баши
Найдет!

Первый раз
На крышу мира,
К пикам горного
Памира,
В облаках пойдем по грудь!
И откроем
Новый путь.

Перевалы, ледопады
Стерегут нас впереди,
Но сумеем,
Если надо,
Сквозь громады льда
Пройти.

2

Три альпиниста,
Геолог, топограф,
Двое ребят,
Рыбаков и Игнат:
Первый из них
Знаменитый фотограф.
Через плечо
На ремне аппарат
И запасные кассеты
Для с'емки.
Все
От сползающих ледников
До голубой
Бесконечной каемки,
Все заснимает
В пути Рыбаков.

Глыбами лед
Поднимается справа,
Слева ущелья
Оттаявший скат,
Сверху летит
Каменистая лава, —
Каменный грохот!
Каменный град!

Вот поднимайся
Под этим обстрелом!
К глыбам теней
Прижимаемся телом!
И в промежутках
Взбираемся, ждя
Грохота
Каменного дождя!

Скоро на запад
Мы повернули,
И на глазах
Расстоянье растет...
Трещины грифелем
Перечеркнули
Белый, как мел,
Ослепительный лед.

Нам открываются
В утреннем свете
Горные цепи
Сакко, Ванцетти.
Дальше за ними
Пики торчат
Так называемых
Эльбрусят!

3

Мы ледорубами
Рубим ступени.
И налету
Опираясь на них,
И налету
Пригибая колени,
Мигом с'езжаем
На нижний леднин.

Если не знаешь
Правила спуска,
Если ты
С местностью незнаком,
Ты и твоя
Вещевая нагрузка —
Все колесом
Полетит,
Кувырком!

По сторонам
Над вершинами
Вспышки.
Лед начинает
Под солнцем
Гореть.
Каждая глыба,
Как будто на вышке
Расположился
Белый медведь.

Мы поднимаемся
На ледники,
Мы обойдем
Все уголки,
Чтоб заучила
Наша страна
Необозримых вершин
Имена.

Чтобы узнала
Она,
Как велик,
Как необ'ятен
Ленинский пик!

Чтобы на картах
Стояли всегда
Новооткрытые
Области льда!

Чтобы
Раскрытым видел
Весь мир
Яркий
Таинственный
Белый Памир!

РАЗВЕДЧИК, НАДЕВАЙ ЗАПЛЕЧНЫЙ МЕШОК! ГОРНИСТ, ТРУБИ ПОХОД!

Рис. Н. Купреянова

ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ

Когда кончились испытания и 5-я группа «Б» вышла с 97 проц. успеваемости, географ Тимофей Пантелеич принес в класс шесть географических карт.

— Ну,—сказал он,—вы, ассирийские мудрецы, выдержите последнее испытание сами перед собой.

Он развесил по стенам шесть своих географических карт, без каких бы то ни было названий с одними только параллелями и меридианами.

— Южная Америка! Южная Америка!— закричали все 40 человек, и даже «сорок первый ударник», отстающий Володька Беляев, и тот подтвердил:

— Южная Америка.

— Идем дальше. Следующую!

— Англия!—закричала группа.

— Дальше.

— Австралия!—ответили ребята, но уже не все хором, а человек двадцать пять.

— Следующую!

— Сахалин! — крикнуло человек десять.

— Сдает моя передовая группа,—сказал Тимофей Пантелеич.—Дальше!

— Це... Це... Целебес,— отвечала лучшая пятерка.

— Ну, теперь последнюю.

Группа молчала. Тогда подошел Котя Ковалев и сказал:

— Это — остров святого Маврикикия.

— Нет, Котя, на земном шаре острова святого Маврикикия. Есть, правда, остров просто Маврикия, но и это не он. Садись, доротой.

Группа задумалась.

— Эх вы, Целебесы, позорите вы меня!— крикнул Тимофей Пантелеич.—Да ведь это же карта нашего родного Озерного района.

А в других школах не то же самое? Немного ребят найдется, которые знают карту своего района, а уж про пионеров в лагерях и говорить нечего. Приезжают в новый район и весь лагерный месяц проводят, как слепые, и нос боятся высунуть за пределы лагеря. А живут они может быть в чудесном районе, с огромными природными богатствами.

Мы все мастера читать про опасные путешествия к Северному полюсу и на белые пятна Памира. А вот посмотреть, что под носом, самим организовать путешествие, не такое опасное, как на Памир, но может быть такое же интересное, мало кому из читателей приходит в голову.

В каждом районе немало есть белых пятен, куда не ступала нога пионера-разведчика, пионера-исследователя.

Только немногие ребята занялись изучением своего района. А нужно, чтобы в каждом районе, где есть пионеры, нашлись и юные разведчики!

Мы печатаем страничку из рукописного журнала юных опытников Краснинского района, Западной области.

ЭТИ ИСПЫТАНИЕ ВЫДЕРЖАТ!

Наступили последние дни холодов. Скоро ударным темпом поплывут по полям тракторы с прикрепленными сзади многолемешными плугами. Каждый колхозник, каждый труженик нашей страны загорится борьбой за социализм, за обеспечение страны хлебом и другими средствами своего производства!!!

Принять в этой борьбе за социализм участие должны и мы. Но не за плугом идя, наши силы еще с плугом не справятся. Мы должны действовать при помощи науки и знаний. Много еще есть богатств земли, затененных от нашей науки.

Мы должны их найти и дать им свет, а также дать энергию им в борьбе за социализм!!

Мы, кружок юных опытников, должны организовать экспедицию по нашему району в поисках новых полезных растений и минералов.

Наш журнал в связи с этой экспедицией организует конкурс: кто найдет в экспедиции новое растение, тот получит бесплатную библиотечку из пяти книг.

Свирков, Марченко

ПИОНЕРЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Огромные неизведанные богатства находятся в нашей стране, в каждой ее области, в каждом районе. Пионеры лагерей и детплощадок, выступайте в поход за изучение и разведку наших богатств.

В конкурс на лучшее путешествие по району, организуемый по инициативе редакции журнала «Пионер», должны включиться все ребята, которые хотят сделаться сильными и ловкими разведчиками, чтобы зорким глазом и наблюдательностью помочь нашему великому социалистическому строительству.

Вперед, ребята, на георазведку, в ботанические походы, за изучение богатств своего района.

Председатель ЦБ юных пионеров: В. Золотухин

Чтобы увеличить и укрепить армию юных разведчиков, ЦБ пионеров, редакция журнала «Пионер», Центральный совет Общества пролетарского туризма и экскурсий, Центральная детская туристическая станция организуют всесоюзный конкурс на лучшее путешествие по своему району.

КТО УЧАСТВУЕТ В КОНКУРСЕ?

В конкурсе может принять участие любое звено пионеров, кружок юных друзей ОПТЭ и группа ребят из лагерей и летних площадок.

Путешествие можно наметить по одному из трех следующих разделов: либо георазведка — разведка полезных ископаемых; либо ботанический поход—сбор семян, дикорастущих растений и лекарственных трав; либо изучение экономики района— своими глазами осмотреть новое строительство в районе, как советская власть изменила его лицо.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

Путешествие может продолжаться два-три дня. Длина маршрута устанавливается в зависимости от возраста участников (от 12 до 16 лет). Обязательно представить в редакцию «Пионера» (Москва, ул. Горького, 8) описание путешествия. Если путешествие идет по первым двум разделам (георазведка и ботанический поход), представить расписки из райзо или райплана (по георазведке) и из сельпо и аптеки (по ботаническому походу) о сдаче собранных материалов.

Конкурс об'является сроком до 1 сентября.

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ПУТЕШЕСТВИЕ

Выбрать цель (георазведка, биопоход, изучение экономики), связаться в зависимости от выбранной цели с местным бюро краеведения, краеведческим музеем, пунктом георазведки, райсоветом ОПТЭ, детской технической станцией. Получить от них указания и совет, какой выбрать маршрут и как вести разведку. Разработать маршрут с учетом остановок в деревнях, с ночевками в сараях, ригах и т. п. Скорость передвижения—от 3 до 4 километров в час. Нагрузка на пионера — от полутора до трех кило. Пройти врачебный осмотр.

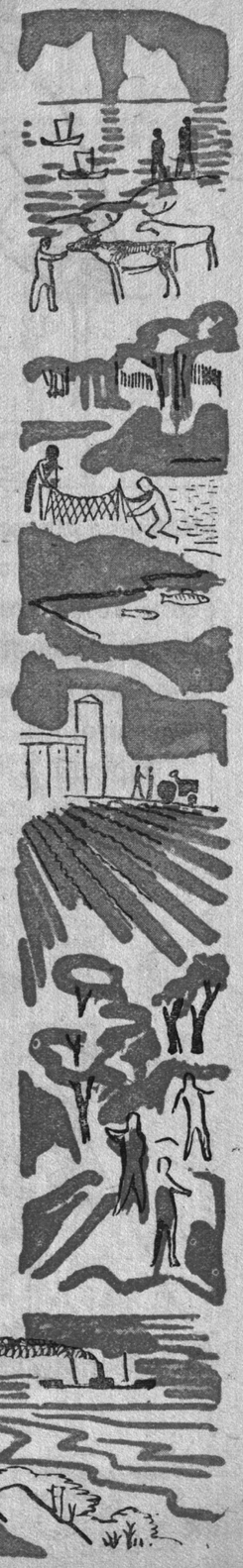
Нужно хорошо подготовить путешествие: выяснить количество пищи, необходимое в дороге, приготовить одежду и обувь (босиком не ходить), взять нужный инвентарь для варки пищи, аптечку, компас, карту, фонарь, термометр и т. д. Кроме того каждый участник должен иметь заплечный мешок, фляжку, полотенце, мыло, зубной порошок, миску, кружку, смену белья, легкое пальто.

Для выполнивших поставленные задачи и условия конкурса устанавливаются премии трех категорий:

I категория: поездка в дальнюю экскурсию (в каникулярное время) на новостройки, промышленные центры и в научно-исследовательские заповедники, длительностью не менее 10 дней.

II категория: снаряжение юного друга ОПТЭ (рюкзак, походная кожаная сумка, палатка и др.).

III категория: а) подбор литературы по исследовательской и турэкскурсионной работе; б) фотоаппарат или микроскоп.



Кабинет доктора Звенового

Рис. А. Каневского

Кабинет доктора Звенового дает бесплатные советы вожатым звеньев. Прием вопросов ежедневно. Москва, улица Горького, 8, редакция журнала „Пионер“

Бывает ли лагерь без мачты? Полтора миллиона пионеров, отправляющихся в лагерь в 1933 г., дружным хором скажут:

— Нет!

И они правы.

Поэтому первый рецепт:

Как сделать образцовую лагерную мачту

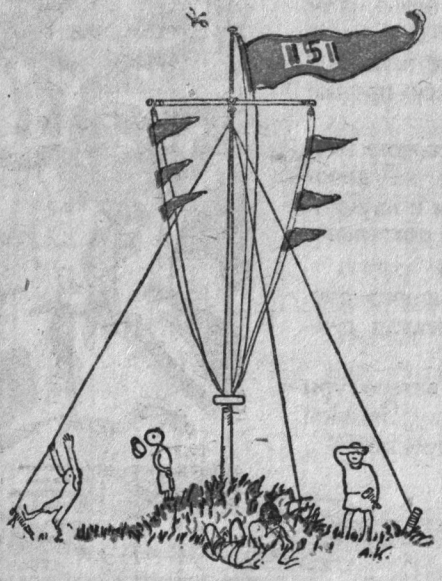
Ясно, что без дерева мачты не соорудишь. С него и начнем. Подберите ровное, не слишком сучковатое дерево высотой 6 — 12 метров. Впрочем чем выше мачта, тем больше ею гордится лагерь. Если нет подходящих деревьев, то мачту можно сделать составной из двух частей (я видел даже в одном лагере мачту из трех частей, но все равно верхушка ее во время сильного ветра обломилась).

Тонкий конец более высокого дерева отпиливают. Затем на кончиках обоих деревьев делают пропилы до половины их толщины и длиной приблизительно в треть метра. Весь слой дерева до пропила снимается. Получаются два полукруга, их накладывают друг на друга, прибивают большими гвоздями и обматывают тонкой проволокой или веревкой, чтобы ветер не мог сломать мачту. Мачту очищают от коры и заглаживают все неровности от сучков.

Вот все о мачте. Теперь даю рецепт ее *оборудования*.

Метрах в 2-3 от верхушки мачты (смотря по величине) прибивают и потом привязывают крест-накрест рею. Для этого употребляется беседочный узел. Для прочности можно сделать небольшие выемки в мачте и рее, затем мачту и рею наложить друг на друга так, чтобы эти выемки сошлись.

Длина реи приблизительно равняется расстоянию от верхушки мачты до реи. На верхушке мачты прибивается небольшой овальный кусок дерева. Это—*клотик*, тот самый клотик, о котором у моряков есть поговорка: «Выше клотика не влезешь».



Чем выше мачта, тем более ею гордится лагерь

С мачтой кончено. Теперь ее надо *оснастить*.

Под клотиком прикрепляют железное кольцо или блок. Такие же кольца прикрепляются к концам реи. Через блок и кольца пропускается шпагат. Шпагат нужно выбрать покрепче, чтобы не рвался. В одном лагере четыре раза выкапывали мачту, чтобы натянуть разорвавшийся шпагат. Пионеры так обозлились на мачту, что, проходя мимо нее, грозили кулаком. Старайтесь делать на шпагате поменьше узлов, так как они будут мешать легко проходить через кольца. Через кольца на рее также пропускают шпагат, на нем поднимают лозунг, а ночью—фонари. Внизу, приблизительно на высоте груди, к мачте прибивается «утка», на которую наматывается шпагат после под'ема флага. Как ее сделать, посмотрите на рисунке.

САМОЕ ТРУДНОЕ— ПОДНЯТЬ МАЧТУ

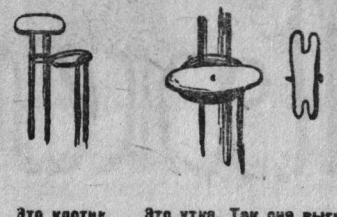
Если мачта высока, то, чтобы увеличить ее устойчивость, ее обвязывают тремя крепкими веревками под реей. Длина их раза в полтора больше мачты. Расположите веревки так, чтобы они не мешали под'ему флага.

Глубина ямы для мачты 1—1½ метра. Один край ямы пологий, а к другому ставят доску. Заготовьте запасы камней,—среди них мачта будет крепче держаться.

Все, кто поднимает мачту, должны точно знать, что им делать. Одни засыпают яму камнями, другие землей и т. п.

Мачту подтаскивают к пологому краю ямы так, чтобы конец ее упирался в доску и скользил по ней вниз. Часть более сильных ребят тянет за веревки, а другая подпирает мачту снизу досками и палками с развилками.

Наконец мачта стоит в яме совершенно прямо. Яму засыпают вперемежку землей и камнями и тщательно утрамбовывают. Вокруг мачты насыпают небольшое возвышение и покрывают его дерном. Веревки, поддерживающие мачту, натягивают и привязывают к кольям так, как показано на рисунке.



Это клотик

Это утка. Так она выглядит сбоку и сверху

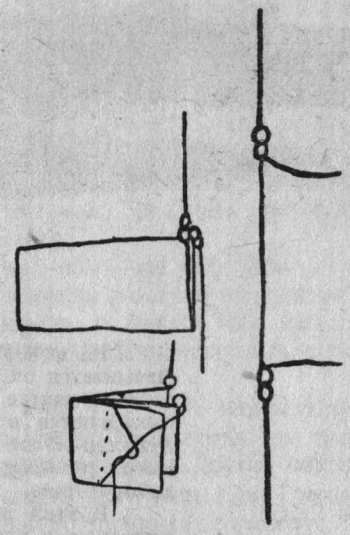
УЧИТЕСЬ „РАЗРЫВАТЬ" ФЛАГ

Чтобы поднять флаг, также надо искусство. Это искусство называется умением «разорвать флаг». Не пугайтесь этого слова, флаг остается целым. Сам флаг должен быть большим, и на нем крупно напишите номер отряда. Издали должно быть видно, чей это лагерь. Чем длиннее флаг, тем красивее он будет развеваться в воздухе.

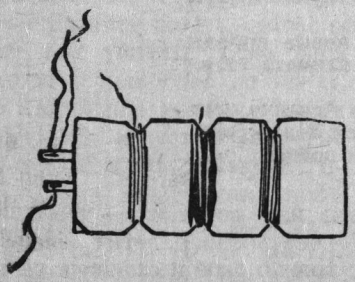
Прикрепить флаг нужно так, как показано на рисунке, т. е. за петли, пришитые к флагу.

Перед под'емом флаг должен складываться так, как показано на рисунке. Медленно ползет небольшой комочек вверх. Резкий рывок шпагата, и флаг с треском «разрывается».

Чтобы флаг лучше развевался, поднимите флаг немного пониже клотика, а веревку, на которой держится флаг, чуть опустите.



Так надо складывать флаг



ОБЕЗОПАСИМ ИГОЛКУ

Есть «железный список» вещей, которые каждый хороший пионер должен всегда иметь при себе. В него входят: записная книжка, карандаш, ножик, иголка с ниткой. Иголка в кармане такая же опасная вещь, как и змея, но есть простое приспособление, которое обезвреживает иголку. Из картона вырезают небольшой кусочек, складывают его пополам и по краям вырезывают друг против друга 2—3 насечки. Вокруг картонки по насечкам наматывают нитки разных цветов, а между картонками кладут иголку.

ПРОСТОЙ СПОСОБ

Б-р-р-р! Как неприятно, когда во время похода попадаешь под дождь, мечтаешь о костре, чтобы обсушиться, свирепо чиркаешь одну спичку за другой, но — увы, они отсырели и не загораются. Есть простой способ их высушить. Надо провести несколько раз головкой спички среди волос на голове, и они впитывают в себя всю влагу из спички. Через полминуты спичка так суха, как будто не было дождя.

ПОПРОБУЙТЕ ПОСЛУШАТЬ

В русских народных сказках рассказывается о богатырях, которые, приложив ухо к земле, слушали далекий топот конной погони. Сказки правильно подметили свойство земли хорошо проводить звук. Но есть еще один хороший способ слушать далекий шум: воткните в землю нож и возьмите в зубы другой конец его. Вы ясно услышите топот лошади или шум автомобиля.

О ГАЛСТУКЕ

Недавно ко мне в кабинет заглянул один парень. Поглядел я на него и удивился. Зачем, думаю, ко мне не пионер зашел? Ведь моя специальность — давать советы вожатым звеньев.

— Дорогой товарищ, — говорю ему,—вы не туда попали. Мой коллега, детский врач, живет этажом выше.

— Я же пионер...

— Откуда это видно?—спрашиваю я.

Тут парень вытаскивает из рубашки кончик красного галстука.

— Это,—говорит,—у нас в отряде такая мода галстуки под рубашку прятать.

Это, товарищи, никуда не годится. Красный галстук — почетный знак, и его надо носить на виду, им должен гордиться каждый пионер. Чтобы галстук был ясно виден, чтобы концы его красиво и по-боевому развевались на груди пионера, галстук надо завязывать так, как на рисунке у пионера, стоящего сзади.

СИЛОВАЯ ГИМНАСТИКА

Попробуйте сжать и разжать кулак или развести руки в сторону. Вам кажется, что это очень просто и вы можете это проделать сколько угодно раз. Но теперь попробуйте развести руки в сторону медленно, напрягая все мускулы как будто вам кто-то мешает их развести. Попробуйте ежедневно проделывать такие упражнения медленно сопротивляясь, сжимайте и разжимайте пальцы, раздвигайте и сдвигайте руки, поднимайте и опускайте голову, ноги туловище.

Этот вид гимнастики быстро развовет и укрепит все мускулы вашего тела.

У переднего галстук завязан неверно

Тяжелые пушки

Рассказ Г. ЗАМЧАЛОВА и О. ПЕРОВСКОЙ
Рисунки С. РОДИОНОВА

На юге Украины близ Каховки находится самый большой в Союзе зоопарк. Называется он Аскания—Нова. В широкой степи пасутся дикие лошади, зеброиды, бизоны, мчатся страусы и антилопы. Все эти животные живут, как на воле, приспосабливаются к условиям жизни в новом для них климате — акклиматизируются. Аскания—Нова была основана еще до революции в имении помещика Фальцфейна. После революции из помещичьей забавы она превратилась в огромную степную лабораторию.

В этой лаборатории под наблюдением ученых выращивают новые породы животных и птиц и помогают приспособляться к условиям нашего климата таким например полезным птицам, как страусы.

Писатели Замчалов и Перовская несколько месяцев прожили в Аскании. Они привезли оттуда много интересных рассказов, из которых мы печатаем пока один— о приключениях маленьких полосатых лошадок в годы гражданской войны.

I

Аскания наша прославилась зеброидами. Из-за них к нам со всего света паны приезжали. Бывало, как чуть,— приказ: все вымыть, вычистить, коней приготовить и самим понарядней одеться. Ну значит гости будут.

И верно. Глядишь, немного погодя идут. Наш пан шею раздувает от спеси, а эти завидуют. Уж как только они ни просили его продать им хоть одного зеброида! При мне один давал пятнадцать тысяч золотом.

Нет, не продал наш. Он, видите, на что надеялся: самочку получить. Ведь у них, у зеброидов, одна дурная привычка есть: они все родятся самцами. Сами-то они очень даже хороши. Ну а детей от них получить нельзя. Прямо сказать бесплодные родятся.

Вот он и надеялся, наш пан, что выведет ему старый ученый самочку, а от самочки да от самцов народятся новые зеброиды, а от этих еще новые,—и так расплодятся их тысячи, как овцы. Ну только дело его не выгорело. Ни одной самочки у него так и не родилось.

Да. Так вот, стало быть, работаем мы этак на конюшне. И вот приходит как-то ко мне Трохимка, племянник мой.

— Дядько,—говорит,— проси пана, чтобы велел меня на конюшню взять, работать с тобой.

— Вот тебе на!—говорю.—Это чего ты там не видал?

— Буду учиться новых лошадей об'езжать, зеброидов. Люблю их очень.

Я на него аж глаза выпучил. Вы знаете, что это такое—об'езжать зеброидов? Это значит жизни своей не жалеть. Лошади они все равно что дикие, сила у них страшная, а людей они боятся, как огня. Когда на зеброида сядет человек, для него ничего такого нет, чтобы он побоялся: яму встретит — через яму сигает, забор высокий — через забор летит, лишь бы скинуть человека. У нас только двое и садились на них первый раз. Был еще третий, да его убили, беднягу. Тоже зеброид ухлопал.

Ну я, понятно, прогнал Трохимку. Сказал, чтобы он и близко не подходил к конюшне. Хвать—через неделю, гляжу, опять идет.

— Дядько!—кричит мне издали еще, а сам смеется.—Вот писуля до тебя от пана. Я сам его упросил. Он велит, чтобы меня взяли на конюшню.

Взял я его за чуб и оттрепал как следует: жалко же хлопца, пропадет ни за что. А он, паршивец, хоть бы чуть заплакал. Морщится от боли, а глаза сухие.

— Ладно,—говорит,—дядько, бейте. Ну только пана вам ослушаться нельзя. Вам за это, знаете, что будет?

Вот до чего скверный был парнишка! Ну что же пришлось нам взять его.

II

Года через три этак он уже сидел на лошади, как болячка, не отдерешь, вот как насобачился. Ну а зеброидов мы ему все-таки не давали. Уж как он ни рвался, как ни просился!

— Нет,— говорим,— про это ты и не думай, лучше из головы выкинь.

И вот, как на грех, возьми и выпади такой случай. Приехали к пану гости. Сидели они там, чай пили да сладкие пироги кушали, а одна барышненка и вякни:

— Хочу поглядеть, как вы зеброидов об'езжаете.

Ну пан, понятно, приказ нам: приготовить «Мотылька», утром об'езжать будем. А конь этот, надо вам сказать, только по прозванию был «Мотылек».

По-настоящему-то он был хуже собаки бешеной. Одно слово... дикий зверь. Кабы не гости, его бы месяц целый приготовлять надо. А тут он у нас дней пять по кругу побегал, да раза два на него седло надели, без седока, вот и вся приготовка.

На утро явился пан с гостями, и началось представление. «Мотылька» связали всего, человек десять держали его, а двое надевали седло и уздечку. Конек храпел, скалил зубы. Барышненка та аж визжала от страху, а сама все-таки радовалась, что увидит потеху такую.

Ну недолго ей пришлось тешиться. Главным наездникам нашим не повезло в этот день. Один только сел на «Мотылька», как он его жвыкнет кверху! Тот так и взлетел пробкой. Поднялся, нога вывихнута, стать не может.

Пан нахмурился, велел другому садиться. Этот сперва было подержался, а потом два раза к ряду вылетел и больше не смог: и так еле ноги утащил.

Пану нашему неловко: только начал угощать, а угощенье-то и вышло все. Он распалился, кричит:

— Кто сядет на «Мотылька»? Сейчас десять рублей заплачу!

Ну где же там? Свою голову всякому жалко. Разве кто сядет?

Вдруг, откуда ни возьмись,—Трохимка. Подошел этак нахально к пану и говорит:

— Давайте десять, сейчас об'езжу. Я лучше их всех езжу, вот увидите. Если хоть раз упаду, то больше никогда в конюшню не приду. Они нарочно не дают мне зброидов, потому что им завидно.

Ну пан, известно, рад. Ему жалко что ли? Убьется —одним хлопцем меньше будет, только и всего.

...Что он с ним делал, этот «Мотылек»! Сперва все на месте кидался: подпрыгнет да вбок, подпрыгнет да вбок. Спину — то горбом выгнет, то в линейку распластается. Потом кинулся прыгать по кругу, как в цирке. Потом ка-ак взовьется на дыбы! Барышненка та и плачет, и смеется, и визжит, все сразу. Я аж глаза зажмурил: конец, думаю, хлопцу, пропал наш Трохимка!

Тут слышу, затопало. Открыл глаза, вижу: далеко в степи пыль столбом и в ней трохимкина голова Мелькнула и исчезла.

Стали мы ждать. Ждем долго, с полчаса. Никого не видать. Я к пану:

— Ваша милость, дозвольте поехать, поглядеть Убился ведь парень.

Он только рукой махнул: отстань, не до тебя тут

Прождали мы еще с час... нету ни Трохимки, ни «Мотылька». Барышненка уж нос опять наморщила Скучно ей стало. Тогда я потихоньку от пана начал заходить за конюшню. Хотел оттуда пойти в степь, разыскивать хлопца. Вдруг слышу, опять топочет Сзади нас, с другой стороны. Обернулся и глазам не верю: они самые. «Мотылек» в мыле весь, аж капает с него. Трохимка серый, как стена. То ли он пылью так покрылся, то ли устал очень.

Подскакали к нам—стоп машина! «Мотылек» встал и заводил боками, как паровоз. Трохимка слез с него, отдал нам поводья и пошел.

— Подожди!—крикнул пан.—На вот тебе.

Он долго искал в кошельке и нашел полтинник.

— На. Это тебе награда. А кроме того назначаю тебя об'ездчиком зброидов. Будешь получать в месяц пять рублей.

Вот шельма! Сразу с двух концов надул хлопца и с наградой и с жалованием. Ведь тогда уж третий год война шла. Деньги были дешевые. Другие об'ездчики по двадцать да по тридцать получали. А он Трохимке пять положил да за такую-то каторжную работу.

III

С этих пор наш Трохимка совсем отбился от людей. И что ему дались эти лошади, шут его знает. Другие хлопцы в его годы только и думают, как бы на улицу удрать да с товарищами побаловать. А у этого вместо товарищей зброиды были. Вечно, бывало, с ними возиться. Только что не спал в стойле.

Ну зато и они его отличали от всех, это надо прямо сказать. Бывало, если он в конюшню зайдет, они все к дверям. Уши подымут, глаза скосят на его шаги и лают, как зебры. А уж он обязательно чего-нибудь

...кинулся прыгать по кругу, как в цирке...

да даст каждому. тому хлебца корочку, тому сахару где-нибудь стащит, тому арбуза кусок.

Да вот взять хоть «Мотылька» этого. Ведь он, зараза, так до конца зверем и остался. Близко никого не подпускал. Так и норовит либо копытами ударить, либо зубами цапнуть. А Трохимка, бывало, с ним, как с коровой смирной: и под брюхо ему ляжет, и копыта прочищает, и спину дерет скребницей. А уж верхом сядет, так он у него прямо по струнке ходит. Дыханья его слушается, вот до чего понятливым делался.

IV

Тут вскоре пришла революция. Пан наш сбежал. Стали мы сами хозяйничать над всей Асканией. Первое время нам все не верилось: «Как же это? — думаем.—Сроду мы были у пана вместо скота, и вдруг— хозяева. Не может этого быть, чтобы он так легко расстался с добром «своим». А тут еще всякие холопы панские остались среди нас. Они все шептали:

— Вот погодите, погодите! Он вам задаст, пан, когда вернется. Он вам похозяйничает.

Хвать — и правда, помещики пошли войной на советскую власть. В феврале месяце, в девятнадцатом году, я как-то встал утром и пошел в зубробизонник насчет сена. Подхожу к нему и только это за ручку взялся,—ка-ак во двор что-то шарахнет! Меня всего землей засыпало и оглушило. Прибежали еще наши работники. Поглядели: от четырех быков одни куски остались. Остальные ревут со страху и на стену лезут.

Немного погодя прискакал какой-то человек.

— Ну, товарищи, теперь держитесь! Плохо вам придется: воевать тут будем. Ну только помните: добро все наше, народное. Берегите его, как свой глаз. В случае, белые возьмут, грабить не давайте. Все равно мы назад отобьем.

Сказал так и опять ускакал. Больше мы его и не видели никогда. А слова его оказались правильные. С этого дня наша Аскания очутилась, как на острове. Кругом степь. В степи войска передвигаются, пушки стреляют, идут бои. А мы сидим и ждем, когда нас разнесут вдребезги: сегодня или завтра?

Полтора года так высидели, больше даже. Эх, и досталось нам за это время! Из поселка никуда носу нельзя было показать. Продукты у нас кончились, дров не было, керосину не было.

Трохимка наш за это время аж почернел. Щеки ввалились, глаза сделались большущие и злые, как у волченка. Он со всеми переругался из-за своих зеброидов: все думал, что их нарочно мало кормят.

V

Однажды к нам пожаловали белые войска. Они и раньше захаживали к нам, но тогда от них особого вреда не было. Пограбят, бывало, немножко и уйдут. Да и грабить-то больше старались ночью, потихоньку.

А тут, видно, дела у них плохо обернулись, вот они и озверели. Как только в'ехали, так сразу и кинулись разорять все. В белом доме повыбили все стекла. Столы, диваны, стулья, большие зеркала, шкафы—все это вытаскивали в парк и там разжигали под деревьями костры.

Деревья они, подлецы, нарочно выбирали либо старые, вековые, либо какие-нибудь особо ценные, редкостные, которые были привезены из дальных стран. Чтобы, значит, заодно с мебелью погубить и их. Если какие не поддавались огню, они рубили их топорами и тоже валили в костры.

На площадке перед белым домом у нас цветник был. Он и сейчас хороший, а тогда был, ну просто сказать, радость людям. Летом, когда расцветут розы бывало глянешь на него, и перед тобой будто музыка заиграет. Так они в этот цветник прямо с телегами заехали. Все кусты поломали, повыдрали с корнем да порубили шашками. Садовник, когда увидел это, пошел домой, лег и захворал с горя.

В зоопарке металась птицеводка Юлия Ивановна. Она отымала у разбойников птиц, которых они губили себе на ужин. Вы думаете, они выбирали какую пожирней, скажем, уток, гусей? Как бы не так! Нет ты им подавай самых дорогих, самых что ни на есть редких. Вот фазаны королевские да золотые, краснозобые казарки, нильские гуси—это им подошло. А обыкновенная птица—где же, разве это им по вкусу?

Ночью, когда грабители утихомирились и заснули я слышу, ко мне тихонько стучит кто-то. Вошел Трохимка с Семен Иванычем.

— Дядько,—шепчет,—помоги нам, мы хотим зеброидов перевести подальше. В старый лошадиный сарай, который мы хотели на топливо ломать для водокачки.

— Да как же,—говорю,—мы переведем? Ведь они убьют нас, бандиты, если заметят.

— А мы — кругом. Я уж отвел «Фрегата» и «Мотылька». Они пьяные, спят крепко.

И Семен Иваныч просит:

— Пожалуйста уж помогите. Ведь это же преступление будет, если мы не отстоим таких ценных животных.

Ну делать нечего, надо было итти. Мне и самому они, небось, не чужие были, зеброиды. Собрался я и пошел с ними в торпанник. Стали мы, крадучись в темноте, переводить наших коньков в сарай. Приведем три штуки, подтянем им морды повыше, чтобы не дрались да не лаяли, и за новыми отправляемся.

За ночь всех перевели. Сначала боялись мы страшно. А потом увидели, что бандиты наши, правда, пьяные, спят без задних ног. Мы даже так осмелели, что отвезли в сарай воз сена и остатки трохимкина овса.

На утро беляки, как только проснулись, пошли в конюшню. Выбрали себе лошадей самых лучших под верх, потом направились к нам, в торпанник. Офицер как вошел, так сразу и закричал:

— Это что такое? Почему станки пустые?

У меня все замерло внутри. Семен Иваныч открыл было рот, хотел что-то сказать, но его перебил Трохимка:

— У нас тут стояли дикие лошади, только их забрали. Приехали вот такие же и увели...

К вечеру бандиты все уехали от нас. Трохимка на радостях прыгал, как ошалелый зебренок на лугу.

— Ага, что, что!—кричал он нам с Семен Иванычем.—Кабы не перевели, шиш бы у нас теперь остались зеброиды.

VI

Подошла осень. У нас уж месяца два никого не было. А тут дожди выпали сильные. В степи развезло грязи по пояс. Еще по траве кой-где можно ехать. А уж если чуть свернул на дорогу — крышка, ни за что не вылезешь.

Мы сидим у себя в поселке и радуемся: уж по такой-то, мол, хляби к нам никто не доберется. Трохимка даже хотел переводить зеброидов обратно в торпанник.

Вдруг — на тебе! И грязь не спасла. Как-то после

дождя мы вышли наружу, смотрим, по дороге к нам отряд двигается. Здоровый, человек двести. Половина верхом, половина в телегах. Сзади плетутся две пушки большущих. В них лошадей по двадцать запряжено, и то еле-еле тащат.

Не знаю уж, кто они такие были: махновцы ли, морозовцы или какие другие жулики. Тут их, этих банд, тогда развелось бессчетное число. Ну только были они все, как один, пьяные и кругом обвешаны оружием да патронами.

Атаман ихний ехал вразвалку в поповском тарантасе. Был он маленький, дохлый, в очках, а морденка до того поганая... плюнуть, и то противно. Как только в'ехал, сейчас же призвал наших шесть человек.

— Ну сказывайте: какие у вас запасы есть?

— Да какие же у нас запасы? Нет у нас ничего. Все уж забрали ваши.

Лицо у атамана перекосилось не то от смеха не то от злобы. Он обернулся к своим помощникам и скомандовал.

— Через полчаса, если не начнется приготовление обеда, растрелять десять человек и отдать их кашеварам: пусть сварят хороший обед.

— Слушаемся, батько!—заорали пьяные бандиты.

Делать нечего. Пришлось нам зарезать породистую красно-немецкую корову и приготовить им обед. Они налопались, перепились еще больше и завалились спать. А на утро, как встали, начали хозяйничать.

Ну хозяйничали они так же, как и те, первые, еще почище даже. Досталось всем. И зверям, и птице, и овцам, и крупному скоту. Про это я вам рассказывать не буду. Только вот что мы заметили: куда бы они ни пришли, везде они были, как у себя дома. Как будто они заранее знали, где что находится и как его взять. То ли уж они дошлые такие были, то ли среди нас завелись гады, которые им все рассказывали.

Явились они и к нам, в торпанник. Пришли спрашивают:

— А ну покажите, где у вас тут знаменитые зеброиды?

Мы было так же, как раньше:

— Нету их, увели. Видите, станки пустые

Они, подлецы, смеются:

— А до сарая этого далеко, куда вы их спрятали? Ну-ка, проводите нас.

Семен Иваныч побелел, как стена, губы у него затряслись.

— Господа-граждане!—говорит.—Лошадки эти нужны для науки. Мы положили страшно много трудов, чтобы их вывести. А вам они не нужны. Вы лучше возьмите в зеленой конюшне лошадей. У нас там еще остались хорошие кони.

— В зеленой, говорите? А ну покажите.

Повели мы их в зеленую конюшню. Они забрали там всех лучших лошадей, а своих, дохлых, бросили.

— Ну а теперь все-таки проводите нас в сарай к вашим ученым зеброидам.

Семен Иваныч опустил голову и долго не мог вымолвить ни одного слова. Потом выпрямился и тихо так, сурьезно сказал:

— Я не могу. Это против моей совести. Лучше прикажите расстрелять меня здесь же

Тут опять Трохимка вылез.

— Да я знаю, где они стоят. Пойдемте, я вам покажу. Там их штук тридцать стоит.

Я аж рот разинул. Что это, думаю, с ним случилось такое? То, бывало, зубами грызся за зеброидов своих, а то сам отдает. Видно перепужался сильно хлопец. Нагляделся, как они безобразничают, и струсил. Атаман похлопал Трохимку по плечу и похвалил, как маленького:

— Вот молодец! Сразу видно, что умный хлопец. Я тебе, знаешь, что подарю? Штык австрийский. Во острый, как кинжал настоящий.

Трохимка и правда сделался, как маленький глупый ребенок. Услыхал про кинжал обрадовался до смерти:

— Спасибо тебе, дядько! Вот пойдем сейчас. Тут близко. Я тебе все покажу.

Атаман обнял его и так, в обнимку, пошел с ним. Мы все поплелись сзади. Только Семен Иваныч не пошел: видно, правда, не мог смотреть, как будут забирать его воспитанников. По дороге атаман стал спрашивать Трохимку:

— Что горячие они у вас, эти зеброиды? Говорят совсем дикие?

Они подхватили—и пушки захлюпали по грязи как простые телеги

— Ах и страшные, дядько! Пять человек у нас убили. Они кусаются, прямо как собаки.

— Ага! Это хорошо. Мы горячих лошадей любим. Для казака, брат, горячий конь дороже матери с отцом... А красивые они, да? Говорят загляденье?

— Кто? Зеброиды?—Трохимка остановился и давай хохотать.—Да они ж... они ж маленькие, как мыши. Разве казак сядет на такую? Смеяться все будут.

Атаман нахмурился

— Ну это ты врешь. Смотри, брат, я не люблю, когда мне врут.

— Вру, да? Ну вот сейчас увидите.

Пришли в сарай. Бандиты оглядели зеброидов и велели вывести одного наружу. Трохимка вывел им «Мотылька». Атаман молодецки встряхнул своими плечиками, подошел и протянул руку, видно потрепать хотел. «Мотылек» изогнулся, да как лязгнет зубами! Чуть руку не отхватил ему. Атамана будто ветром отнесло шагов на десять. С него даже очки слетели. Когда их подняли ему, он усмехнулся, будто ничего не было, и скомандовал своим:

— Ну-ка, Савчук, возьми его в работу! Ты ведь мастак по этому делу. А вы подержите, пока он сядет.

Два здоровых бандита взяли «Мотылька» под уздцы, а третий сел на него верхом прямо без седла. Должно быть он уже выпивши был. Те двое еще дергали коня, а он уже размахнулся и бац его по боку нагайкой! Что тут случилось, я даже и разглядеть не успел как следует. Видел только, что все три бандита и конь полетели в разные стороны. Потом этот Савчук—мастак-то—очутился под носом у «Мотылька» и завизжал, как поросенок.

Все бандиты кинулись на выручку. «Мотылек» напоследок рванул Савчука так, что он перевернулся, и ускакал в степь.

Бандиты подняли своего товарища. Он был растерзанный и весь в крови. Атаман велел дать ему скорей водки. После этого он обернулся к Трохимке:

— А ведь верно ты мне сказал, хлопец. Дрянь лошади. Виду никакого, а возни с ними было бы... Штык я тебе все-таки подарю.

— Спасибо тебе, дядько!

Когда они ушли, Трохимка отбежал немного, покликал, посвистал, и «Мотылек» сам явился. Трохимка обхватил его обеими руками за шею и сказал:

— Вот кому спасибо-то! Молодец, «Мотылек», так им и надо!

VII

Прожили у нас эти бандиты еще два дня. Все пили в белом доме, все озоровали над нами. Мы думали, уж это никогда не кончится. Хвать — на третий день утром примчался к ним какой-то гонец. Спрыгнул с лошади и прямо к атаману, докладывать видно.

Немного погодя, смотрим, они как посыпятся все из дома! Кто лошадей седлать, кто телеги впрягать, кто к пушкам кинулся. Полчаса не прошло, готово уж, собрались. Атаман погрозил нам из своего тарантаса нагайкой и скомандовал трогаться.

Верховые шибко зарысили, не по дороге, а, чтоб поскорей, прямо в степь. Телеги сперва тоже шибко поехали, а после намотали грязи на колеса и стали останавливаться, застревать. А пушки, те как в'ехали на дорогу, так и увязли выше ступиц. Бились-бились с ними,—никак с места не сдвигаются.

Оно, видите, какое дело: перед этим дня два шли без перерыву дожди. Грязь на дороге захрясла, как замазка.

А пушки, ведь они чугунные, в них какая тяжесть! Разве их по такой грязи сдвинешь?

Атаман приказал всех хороших лошадей, которых они у нас забрали, отдать под пушки. Но, когда запрягли этих, они тоже ничего не могли сделать. Рванут-рванут,— а пушки ни с места.

Атаман ругался, топал ножонками у себя в тарантасе и кричал на своих:

— Да вы понимаете, дурачье, что нас сейчас могут накрыть здесь большевики? Понимаете, что вашей шкуре грозит опасность?

Наконец он плюнул и велел ехать без пушек. Еще бы немного, и они укатили бы. Тут из одной бандитской телеги вылез человек. Он хотя старался прятать от нас лицо, но мы все-таки узнали его: это был один панский любимчик. Когда-то, при пане, он нам много вреда наделал. Потом он скрылся от нас и года два пропадал. А теперь вот об'явился.

Этот человек подошел к атаману и стал шептать ему что-то. Атаман слушал его и все выше подымал брови.

— Да мы же видали их... Ну и что же?.. Да ну ерунда. Не может быть, они же маленькие... Да что ты говоришь? Одна такая мышь загнала двух кровных коней? А ну посмотрим...

Он обернулся к помощнику и сделал распоряжение. Двадцать верховых моментально помчались к старому сараю. А нам атаман приказал:

— Через десять минут чтобы у меня была готова сбруя для всех зеброидов. Если не приготовите, я велю зарядить пушки, и от вашего поселка останутся одни щепки.

Ну, понятно, минут через двадцать все было готово. Верховые подводили по одному, по два зеброида и запрягали их в пушки. Трохимка стоял и глядел на все это. Я один только знал, как ему сладко. Если бы ему на это время дать силу такую, он бы наверно этих бандитов на клочки разорвал всех.

Вдруг он увидал, что ведут его «Мотылька»: человек десять нацепилось на него и тащут. Он брыкается, а они его нагайками лупят. Трохимка бросился к ним и закричал:

— Пустите, я сам его запрягу. Меня он послушается.

И верно, запрег «Мотылька» и «Фрегата». Рядышком, в одну пару. А с остальными бандиты сами справились. Когда все было готово, ездовые чуть только шевельнули зеброидов, для пробы. Они подхватили,— и пушки захлопали по грязи, как простые телеги.

Вот тут-то наш Трохимка и потерял голову. Подбежал он к атаману и давай проситься:

— Дядько, можно мне с зеброидами поехать? Все равно вас они не будут слушаться. А ко мне они привыкли. Я знаю, как кормить их, как ухаживать за ними. Назначьте меня конюхом к ним.

Я, как услыхал это,—к нему:

— Трохимка, бешеный, куда тебе? Дома сиди!

Но не послушал он меня, уехал все-таки. Уехал а вечером к нам взошла конница товарища Буденного, и все наши муки кончились.

...Ну а Трохимка поехал с этими бандитами. Потом задумал угнать от них зеброидов назад к нам в Асканию. Они два раза поймали его. Потом Красная армия прижала их к самому морю. Им стало некуда деваться, вот они и решили: чем большевикам достанутся лошади, лучше пусть пропадут. Велели они Трохимке сесть на «Мотылька» и гнать всех зеброидов в море, будто купаться. А сами подняли ружья

ПИСЬМО ИНЖЕНЕРА ГИДРОЛЮБОВА

Несколько дней тому назад в нашу редакцию явился пионер лет четырнадцати. Он подошел к редактору и протянул ему письмо.

— Это вам.

— От кого?

— Читайте.

Вот что было в письме:

Уважаемый редактор!

Моя фамилия Гидролюбов. Я — инженер-гидравлик. Это значит—я занимаюсь водой (гидро—по-гречески вода). И конечно всеми применениями воды в технике и в природе. Убежден, что это—самая интересная специальность... Но я отвлекся. Сейчас я в отпуску. Делать мне нечего, а без дела сидеть не могу. Поэтому предлагаю убедить ваших читателей, что вода — самое нужное и интересное вещество на свете, что с водой можно проделать массу занимательных опытов, что о воде можно загадывать неисчислимое количество загадок. Что... Одним словом, предлагаю себя в сотрудники журнала. Если согласны, напишите. Письмо передайте с подателем сего.

С тов. приветом инженер Гидролюбов.

Больше в письме ничего не было.

— Хотите фотографию?— спросил пионер.

— Чью?—удивился редактор.

— Конечно его.

— А это кто — он?

— Дядя.

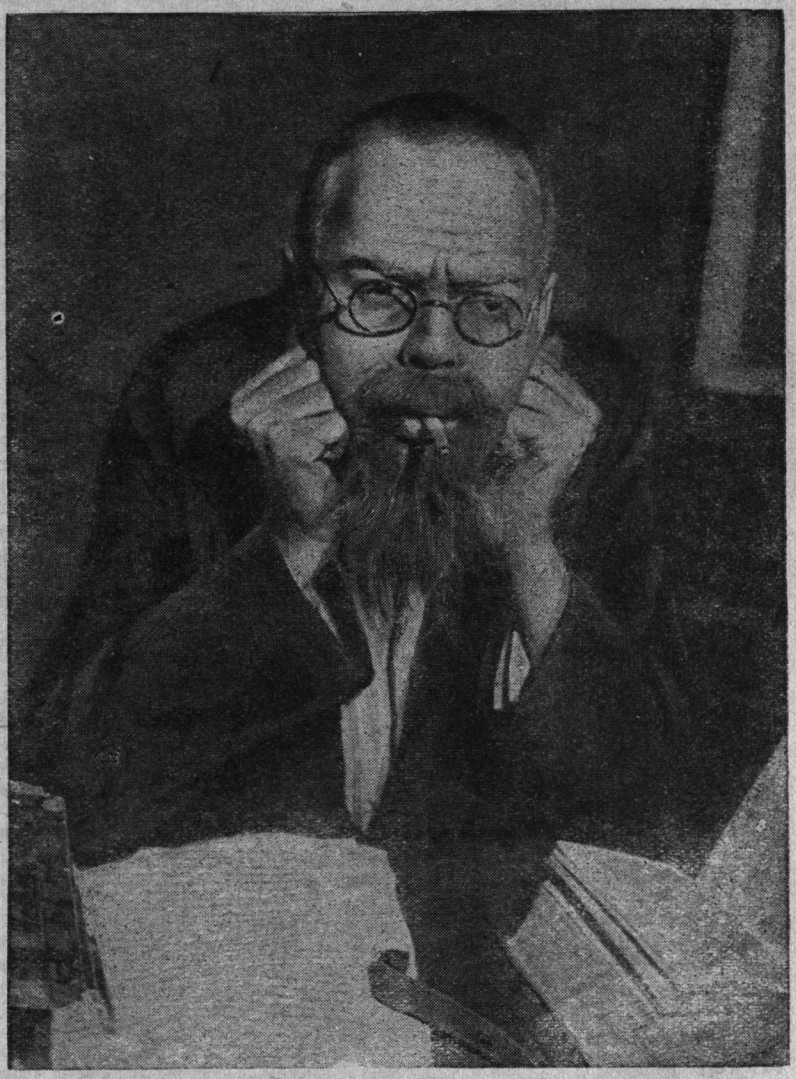
— Какой дядя?

— Мой дядя. Инженер Гидролюбов. Это я его снимал а он сердится, потому что не любит сниматься.

И он положил на стол редактора пачку фотографий. Сознаемся, что мы помещаем сейчас только одну— самую безобидную. Что же касается остальных, то мы воздержались их напечатать в этом номере. Может быть мы поместим их в следующем. А может быть и совсем вернем их обратно племяннику. Потому что мы боимся, что дядя может рассердиться.

Редактору дядя по фотографиям очень понравился, и он написал письмо, в котором просил прислать веселые задачки и вообще постараться убедить читателей, что вода—самое интересное вещество на свете.

Племянник, Юрка Гидролюбов, явился через два дня и принес рукопись. Наверху стояло крупными буквами:



Так мой дядя, инженер Гидролюбов, думает над задачами. Снимал Юрка Гидролюбов

КАК ПОСТРОИТЬ МОДЕЛЬ ТУРБИНЫ

А потом шло убористым почерком длинное письмо

Благодарю за разрешение сотрудничать. Начинаю с водяной турбины.

Считаю, что это замечательный двигатель. Судите сами: паровой двигатель надо кормить углем, торфом, нефтью. Двигатель внутреннего сгорания тоже никому не нужен без топлива. А водяная турбина ничего не требует—только воду. Воды же сколько угодно: поставь турбину на реке, и речная вода быстро проходя через турбину, будет двигать ее год, десять лет, сто лет.

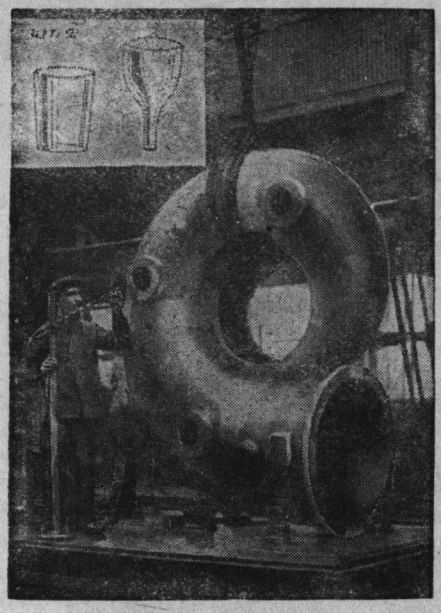
Обыкновенно водяную турбину соединяют с генератором электрического тока. И получается, что вода сама вырабатывает электрический ток, который можно посылать на сотни километров, и он будет гореть в лампочке, топить печи и приводить в движение миллионы станков и машин.

Я хочу предложить вам построить действующую модель водяной турбины. Это конечно будет крошечная модель-ка. Но она будет действовать. Спросите племянника Юрку: он построил такую по моим чертежам, и турбинка у него работает.

КУСОК ЖЕСТИ, БУТЫЛКА И НИКАКОГО БЕТОНА

Для того, чтобы построить настоящую турбину, надо сначала соорудить плотину, электрическую станцию и целый ряд самых разнообразных сооружений. Это громадная работа. На Днепре например одной бетонной кладки пришлось израсходовать 700 тыс. куб. м. Попробуйте отлить из этого бетона столб с поперечным сечением в 1 кв. м., и он уляжется у вас от Москвы до Ленинграда, и в вашем распоряжении останется еще небольшой кусочек его длиною в 100 км. А ведь это только один бетон!

Но вы не пугайтесь. Я вовсе не хочу чтобы вы заготавливали такое громадное количество строительного материала. Для нашей турбинки достаточно иметь стеклянную бутылку, кусок жести, вязальную спицу, деревяжку и консервную банку. Но начнем по порядку



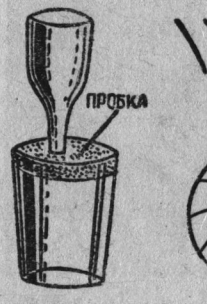
На электростанции—труба, у Юрки—горлышко бутылки

Сначала надо сделать воронку и трубу, в которой будет работать турбинка. Для этого надо взять простую прозрачную стеклянную бутылку и разрезать ее так, как показано на чертеже № 2, отрезав от нее дно и верхнюю воронку. Когда стеклянный цилиндр будет готов, надо измерить его внутренний диаметр. У Юрки он был совсем крошечный, всего лишь 6 см. А в днепровской турбине—это громадная металлическая труба, внутри которой мог бы поместиться поезд с вагонами и паровозом.

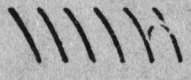
Затем надо сделать пробку. Для этого можно взять круглое полено диаметром в 6 см. и отпилить от него кружок толщиной в 1½—2 см. В центре пробки высверлить отверстие, размером в ½ см. для оси, а потом, отступив от этого отверстия на 1 см., сделать второе отверстие такой величины, чтобы в него входило горлышко бутылки (чертеж № 4).

Теперь надо сделать два колеса—подвижное и неподвижное. Оба они из жести. Первое—подвижное—надо приготовить меньше внутреннего радиуса цилиндра на 1½ см. Для этого надо вычертить на жести окружность, разделить ее на 12 равных частей. Из центра кружка радиусом в 6 мм. описать малую окружность, и от полученных 12 делений большой окружности прочертить до пересечения с малой окружностью 12 дугообразных линий, как указано на чертеже № 5. Затем остается вырезать кружок по большой окружности и разрезать его по прочерченным дугообразным линиям. Получится 12 листочков сидящих на внутренней окружности или, говоря гидравлическим языком, 12 лопастей подвижного колеса. Их надо изогнуть так, чтобы они в разрезе представляли небольшую дугу (чертеж № 6). Теперь надо просверлить в центре дыру для оси, вставить в нее ось (Юрка для этого приспособил вязальную спицу) и припаять к ней колесо на расстоянии 9 см. от одного конца. Подвижное колесо турбины готово (чертеж № 7). Оно у вас получилось маленьким, а на Днепровской станции нам пришлось бы поставить друг на друга четырех высоких мужчин, чтобы они достали вершины этого громадного турбинного колеса.

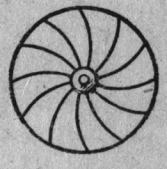
Неподвижное колесо делается точно таким же образом, но только диаметр его должен быть равен в точности внутреннему диаметру стеклянного цилиндра, лопасти его должны быть изогнуты в обратную сторону, и в отверстии, проделанном в центре его внутреннего кружка, ось должна ходить свободно, но не болтаться.



ЧЕРТ. 4



ЧЕРТ. 6



ЧЕРТ. 5

ВОТ ВАМ И ВСЯ ТУРБИНА!

Теперь остается закрепить оба колеса в стеклянном цилиндре. Неподвижное колесо будет находиться наверху. Его надо вставить в стеклянный цилиндр на глубину 4 см. и приклеить к стенкам цилиндра или сургучом или замазкой, надо только следить за тем, чтобы оно было укреплено строго горизонтально и чтобы наклон его лопастей по отношению к наклону лопастей подвижного колеса соответствовал чертежу № 9.

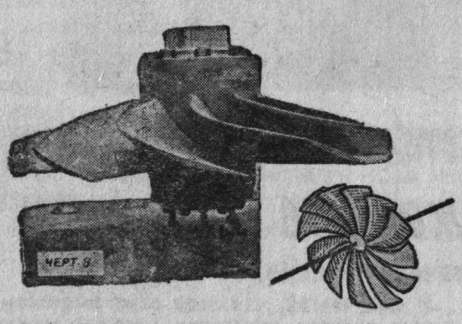
Прикрепить все это не трудно. Надо сделать деревянную подставку (чертеж № 10) и закрепить на стойке цилиндра тонкими полосками из жести. Внизу, под всем этим сооружением, поставить банку для стока воды.

У вас это может быть простая консервная банка. Но если бы вы имели дело с Днепровской станцией, вам пришлось бы встретиться с громадной массой воды в 900 мм. куб. м. в сутки. Попробуйте налить ее в трубу с поперечным сечением в 2 кв. м. (в этой трубе вы сами можете прекрасно встать поперек ее) и эта труба вытянется от земли до луны. А ведь это всего лишь суточная порция воды, с которой приходится иметь дело Днепровской станции.

Теперь, если мы в нашу верхнюю воронку будем лить воду, она ударится сначала в лопасти верхнего неподвижного колеса. Те разобьют ее на двенадцать струй и направят на лопасти подвижного колеса. От ударов этих струй лопасти подвижного колеса завертятся и заставят вращаться припаянную к нему ось.

Вот вам и вся турбина. Она у вас получится крошечной (чертеж № 11) но зато в точности даст представление о том, как работает хотя бы такая же турбина Днепровской станции. Кстати сказать, там ее подвижное колесо вращается со скоростью в 82½ оборотов в минуту.

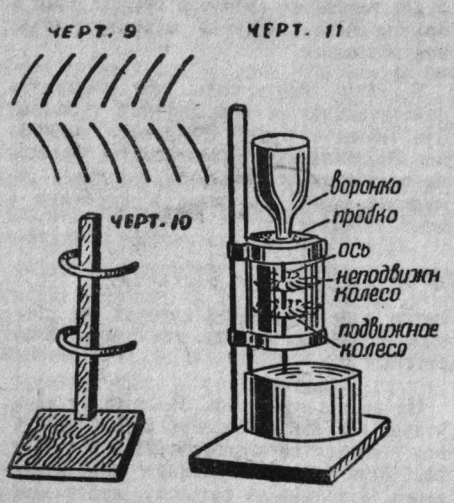
И если бы мы могли вытащить эту машину наружу и заставить катиться по земле с той же скоростью, то это колесо за сутки свободно могло бы обежать вокруг земли по экватору. Не удивительно, что оно развивает громадную мощность в 90 тыс. лошадиных сил. А это значит, что если бы мы заставили все население целого материка Австралии, от мала до велика попытаться выполнить ту же физическую работу, которую выполняет одна турбина Днепровской станции, то они едва ли могло бы справиться даже с тремя четвертями ее.



Колесо турбины и колесико турбинки

ЧЕРТ. 9

ЧЕРТ. 11



ЧЕРТ. 10

ШЛИТЕ ВАШИ МОДЕЛИ

Теперь мне бы хотелось, чтобы читатели «Пионера» попытались построить такую турбинку, внеся конечно в нее все усовершенствования и изменения. А потом прислали бы мне или самые модельки или фотографии их с чертежами и пояснениями. А я передам все это моему другу проф. Головоломке. Он—председатель «Клуба любопытных ребят», который передает свои заседания по радио по 6-м и 9-м числам в 10 ч. 45 м. утра через станцию им. Коминтерна. Профессор об'явил конкурс на лучшие ребячьи самоделки и обещал целую кучу самых замечательных премий: тут и фотоаппарат, и приемники, и коньки, и книги, и футбольные мячи. Мне бы очень хотелось, чтобы лучшие премии в его конкурсе получили ребята, приславшие модели водяной турбины. Пишите письма и присылайте модели и чертежи по адресу МОСКВА, ЦЕНТР, УЛ. ГОРЬКОГО, 9, РЕДАКЦИЯ «ПИОНЕРА», ИНЖ. ГИДРОЛЮБОВУ.

НА ЭТОМ ПИСЬМО КОНЧАЛОСЬ

— Стоп! Юрка! А где же задачки?

— Ну этого печатать я вам не советую. У дяди они всегда какие-то несерьезные. Я убедил его не присылать их; зачем же старику конфузиться? Да вы все равно и не поместите их в журнале: озорные они, с подковыркой.

— Нет... уж ты все-таки скажи дяде, пусть пришлет.

— Ладно, только зря все это.

Замечательный конверт

Снова прошло два дня и снова явился Юрка. Он молча положил на стол конверт, запечатанный сургучом.

— Почему сургуч, Юрка?

— Это он не хотел, чтобы я видел, какие он задачки прислал. Боялся, что я не отдам вам, если они мне не понравятся.

Редактор распечатал конверт. Инженер Гидролюбов писал:

Прежде всего—не показывайте Юрке: он забракует. А потом сами не удивляйтесь, что они такие разные. Уверяю вас, что все они имеют дело с водой и жидкостью.

Задачи инж. Гидролюбова

1. Самый обыкновенный самовар, наполненный водой. Вы открываете кран. Первый стакан наполняется в ½ минуты. Во сколько минут выльется весь самовар, если в нем 30 стаканов и если кран оставить открытым?

Юрка уверял меня, что в 15 минут (он помножил ½ мин. на 30), но честное слово—это неверно.

2. Я пишу вам письмо. Мне очень жарко. На лбу выступил пот. Почему человек потеет, когда ему жарко?

Юрка заявил мне, будто это оттого, что я пью много чаю. Уверяю вас, что наоборот: я сначала потею, а потом пью чай.

3. Около меня лежит моя собака Жук. Жуку тоже жарко. Почему же когда жарко, собака высовывает язык?

Юрка уверяет, что это глупый вопрос. Не думаю.

Предлагаю ребятам подумать и прислать мне решение этих задач. Фамилии первых трех, раньше других приславших лучшие ответы, будут занесены на *«Доску почета»*, которая будет открыта в следующем номере «Пионера».

ЗОРКИЙ ГЛАЗ

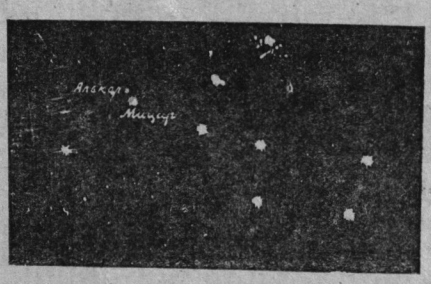
СТАРИННАЯ КАРТА

Эту карту мы перерисовали из старинной географии 1548 г. Попробуйте на память, не заглядывая в атлас, рассказать, какие ошибки допущены в этой карте.

„АЛЬКОР“

Каждый может легко проверить, хорошее ли у него зрение или нет. Для этого нужно в звездную ночь повернуться лицом к северу и найти на небе созвездие «Большой медведицы». Найти его нетрудно. Оно похоже на ковш с ручкой. В нем семь звезд.

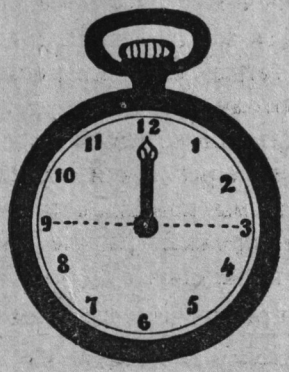
Вторая звезда от хвоста носит название «Мицар». Рядом с нею, чуть левее и повыше, находится едва заметная звездочка «Алькор». Люди с очень хорошим зрением легко различают эту звезду. Для тех же, у кого зрение среднее или плохое, Алькор слизается с Мицаром в одну звезду.



ЗАДАЧИ С ЧАСАМИ

1.

В карманных часах обломаны стрелки. Попробуйте по их положению определить, где часовая стрелка и где минутная.



2.

В какой половине, в верхней или нижней, чаще будет происходить встреча часовой стрелки с минутной?

Цена 25 коп.

Рисунок из школьного журнала ребят Архангельского района

ЮНЫЕ ОПЫТНИКИ

Долго добираться до нашей деревни. Раньше на поезде, потом 20 километров пешком или на лошадях до районного села Красного и от Красного еще часа полтора итти.

Наша деревня называется Орлань. Откуда это название произошло, мы и сами не знаем.

Ребят в Орлани много. И все хотят стать пионерами. Все хотят стать пионерами, но отряда нет, говорят, нет вожатого, а без вожатого нельзя. А покуда отряда нет, мы организовали кружок «Колхозных ребят». У нас есть автомоделисты, разведчики природы, пчеловоды и физкультурники.

Я и Марченко — опытники. Мы выпускаем журнал «Юные опытники». Для каждого номера достаем шесть тетрадок, и пишем его шесть раз, потому что не могут же все прочитать по одной тетрадке. Мы раздаем их ребятам и взрослым. В журнале мы помещаем заметки о работе кружка, разные загадки, стихи и рисунки.

Один раз пришли мы в колхозное правление, принесли свой журнал. Председатель говорит:

— Ну куда вы годитесь, ребята? И галстуков у вас нет и барабана, надо всем пионерами стать. Вот тогда мы вам и поможем.

— Иди к нам в вожатые, председатель,— говорим ему мы,—тогда и отряд будет.

Он посмеялся. Обещал добиться нам вожатого, а покуда дал 10 рублей и выделил земли для опытов нашему кружку.

Скоро мы отправляемся в поход по нашему району. Наш, Красининский, район еще никто не обследовал, и никто не знает, что у нас есть.

Мы обязательно разыщем какое-нибудь неизвестное растение или ценную руду или минерал.

Всем хочется итти в поход, но всем уходить из организации нельзя. Наш кружок заложил опыты, и за ними надо все время смотреть.

Хорошо нам живется, ребята, только вот жалко, галстуков носить не можем.

ФОРМА УЧЕТА

участвующих в конкурсе на лучший исследовательский поход по изучению окружающей местности или района

Заявление о желании участвовать во всесоюзном конкурсе представляется в райбюро ДКО и райсовет ОПТЭ и копия (одновременно) в редакцию журнала «Пионер» не позднее 10/VIII 1933 г.

В . . . . . райбюро ДКО (или райОПТЭ)

Мы, группа, звено (ненужное зачеркнуть) . . . . при . . . . . (указать организацию) хотим принять участие во всесоюзном конкурсе на лучший поход по сбору или изысканию . . . . . .

Сообщаем о себе следующие сведения:

1. Название учреждения, пионерлагерь, детплощадка, пионеотряд жакта, колхоза и точный почтовый адрес . . . . . .

2. Указать цель похода вашей группы (например поход по изысканию полезных ископаемых, сбору лекарственных и дикорастущих трав и т. п.).

3. Когда организована группа, звено (указать время организации).

4. Кто руководит группой и походом—преподаватель по географии или естествознанию, рабочие-техники, пионервожатый (указать фамилию, имя, отчество руководителя).

5 Список членов кружка.

№№ по порядку	Фамилия и имя	Возраст	В какой гр. учится	Состоит ли в пионер отряде	Интересовался ли раньше подобными походами: если да, что сделал	Член ли кружка ЮД ОПТЭ

6. Дать краткое описание маршрута похода.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор Н. КУПРЕЯНОВ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Сдан в набор 25/VI—33 г., подписан в печати 19/VII—33 г. Изд. № 742 Формат 1/8 74×108 см. 1 б. л. 135000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—56213 Типография газеты „Правда“, Москва, ул. им. Горького, 48. Заказ № 1779. Тираж 40.000 экз.